

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 156

С.К. СМИРНОВА

**СОВРЕМЕННЫЕ
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ**

Москва
2002

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 156

С.К. СМИРНОВА

**СОВРЕМЕННЫЕ
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ**

**Москва
2002**

ISBN 5-201-13758-x (17)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 156.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с
позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 156

С.К. СМИРНОВА

СОВРЕМЕННЫЕ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В УДМУРТИИ

Работа выполнена в ЦИМО ИЭА РАН в рамках проекта «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных трансформаций» (автор и руководитель проекта д.и.н., проф. М.Н. ГУБОГЛЮ) на материалах этносоциологических опросов, проведенных весной 2002 г. в четырех республиках Приволжского федерального округа.

Об авторе

Смирнова, Светлана Константиновна – Заместитель председателя Комитета по делам федерации и региональной политики Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Кандидат наук, занимается разработкой проблем национальной, молодежной и региональной политики. Автор и редактор около 100 научных публикаций, посвященных нациестроительству, межэтническим процессам, этногосударственным отношениям, этнополитической ситуации в Российской Федерации вообще и в Удмуртской республике, в частности.

About the Author

SMIRNOVA, SVETLANA K.

Deputy Chairperson of the Committee for Federal Affairs and Regional Policy of the State Duma, Federal Council of the Russian Federation. Sphere of research interests: national problems, youth and regional policies. Author and Editor of about 100 academic publications on nation-building, ethnic processes and ethnopolitics.

Summary

SMIRNOVA, SVETLANA K. CONTEMPORARY ETHNO-SOCIAL PROCESSES IN UDMURTIA

The author explores the issue of social polarization in Udmurtia among populations of different faith and ethnicity; also analyzed are changes in employment structure, such as engagement in more than one job, or shifts in job and career choosing criteria. The author argues that social processes are influenced by the emergence of new social and cultural values, as well as by undulant deviant behavior processes and the growing role of the state in social security improvement.

Зыбкие контуры стартовых перемен

Анализ социальных трансформаций представляет собой задачу такого масштаба, решение которой требует монографической разработки. И, понятно, что в рамках одной книги совмещение анализа этнополитических и этносоциологических аспектов требует постановки вопроса как о синхронности и диахронности трансформационных явлений – в реальности, так и в отражении их в представлениях граждан. Первые постсоветские годы задали крайне негативный старт для формирования в широких кругах населения позитивно-солидарных представлений о характере и направленности социальных трансформаций. Отвечая на вопрос о том, произошли ли какие-либо изменения после принятия декларации о суверенитете, большинство граждан, особенно в республиках, естественно, акцентировало внимание скорее на политических, чем на социально-экономических итогах преобразований.

В свое время по данным этносоциологических опросов 1993 г.¹, выяснилось, что итоги суверенизации в Удмуртии оказались менее видимыми и осязаемыми, чем в двух соседних республиках. Так, например, если в Башкортостане сам факт случившихся изменений осознали и зафиксировали в своем сознании («увидели своими глазами») больше половины городских жителей, в том числе 59,6 % русских и 62,4 % башкир, а в Татарстане – еще больше (72,1 % русских и 77,2 % татар), то в Удмуртии – менее половины всего взрослого населения, в том числе 52,5 % русских и 58,4; удмуртов (см. табл. 1).

Самый высокий удельный вес «оптимистов», т.е. тех, кто оценил, что изменения произошли в лучшую сторону, оказал-

ся в Башкортостане и Татарстане среди титульных национальностей, в Удмуртии – среди русских. Это означает, что в общественном мнении удмуртской части населения республики не утвердилась позитивная оценка процессов суверенизации, несмотря на то, что Декларация о государственном суверенитете Удмуртии (20.09.1990г.) была принята всего на три недели позже, чем в Татарстане (30.08.1990г.), и на три недели раньше, чем в Башкортостане (11.10.1990г.). Символика суверенизации оказалась в Удмуртии не подкрепленной реальностью, что и нашло отражение в представлениях удмуртов.

Более того, выявилось принципиальное отставание удмуртов по сравнению с башкирами и татарами в одноименных республиках по части удовлетворенности итогами первых трех лет суверенизации. Это хорошо видно при сопоставлении удельных весов оптимистических и пессимистических оценок социальных изменений в трех республиках. Особенно разителен контраст между Татарстаном и Удмуртией. Доля татар-оптимистов, считающих, что изменения в республике произошли в лучшую сторону в 1993 г. была выше доли татар-пессимистов в 1,6 раз, в то время как в Удмуртии имела место противоположная ситуация: удельный вес отрицательных оценок – среди удмуртов составлял 31,1 %, что было в 6,5 раз больше позитивных оценок (см. табл. 1).

Неодинаковые темпы адаптации к политическим трансформациям титульных национальностей оказывало влияние на формирование представлений русского населения о темпах, ходе и качестве изменений. В положительной оценке итогов пер-

вых 3-х лет суверенизации русские заметно отставали от титульных национальностей в Башкортостане, Татарстане и опережали удмуртов в Удмуртии.

Доля русских-пессимистов преобладала над долей русских-оптимистов в Башкортостане в 7 раз, Татарстане – в 4 раза, в Удмуртии – в 5 раз (см. табл. 1).

Таблица № 1
Первые итоги социальных трансформаций в представлениях граждан
(в % по итогам опроса 1993 г.)

Национальности	Произошли ли какие-либо изменения после принятия Декларации о суверенитете?					
	произошли				не произошли	нет ответа
	всего	в том числе:				
в лучшую сторону		в чем-то в лучшую, в чем-то в худшую	В худшую сторону			
<i>Удмуртия (городское и сельское население)</i>						
Удмурты	58.4	4.8	22.5	31.1	21.6	20.0
Русские	52.5	5.1	20.9	26.5	25.7	21.9
Другие	45.0	3.4	18.0	23.6	27.0	28.1
Все	53.7	4.8	21.2	27.7	24.5	21.9
<i>Башкортостан (городское население)</i>						
Башкиры	62.4	8.8	41.6	12.0	21.8	12.7
Русские	59.6	3.3	19.4	23.0	26.8	13.5
Татары	61.5	4.6	37.5	19.4	26.6	11.8
<i>Татарстан (городское население)</i>						
Татары	77.2	21.0	43.2	13.0	12.3	10.3
Русские	72.1	6.2	41.2	24.7	15.0	13.0
Чуваши	63.8	6.9	28.2	28.7	21.3	14.4

Сопоставление итогов предыдущих и последующих опросов и анализ данных таблицы 1 дает основание для выводов, во-первых, о наличии полярных мнений среди различных групп населения о направленности изменений, во-вторых, о неподготовленности удмуртов к позитивной оценке социально-политических трансформаций, и, в-третьих, о серьезном кризисе в

социальном самочувствии удмуртов в своей республике, и чувашей в Татарстане (см. табл. 1).

Возникает вопрос, в чем конкретно видели люди в разных республиках тенденции улучшения и ухудшения. В чем и почему оказались наиболее слабыми стартовые позиции удмуртов в своей республике?

**Противоречивый вектор перемен:
и улучшение, и ухудшение жизни**

Исследования, проведенные в первой половине 1990-х гг. фиксировали прежде всего шоковое состояние, в котором оказались бывшие советские граждане, для большинства из которых суверенизация, анархизация, приватизация, безработизация и другие прелести переходного периода

стали критериями не улучшения, а ухудшения жизни.

Ничем иным, как пребыванием в шоке, можно объяснить тот факт, что половина башкир, более половины русских и без малого каждые двое из троих татар в городах Башкортостана не смогли собраться с

мыслями, чтобы ответить на не очень сложный вопрос о том, в лучшую или в худшую сторону произошли перемены в ходе преобразований. Половина русских, две трети чувашей и каждый третий татарин в республике Татарстан так же не смогли сосредоточиться, чтобы ответить на этот же вопрос (см. табл. 2).

Лишь две инновации были на виду у большинства граждан каждой из трех республик. Перемены к лучшему в национальном возрождении и обретении самостоятельности отметили как улучшение, титульные национальности Башкортостана и Татарстана. В этом они проявили удивительное единодушие. Но если успехи этнической мобилизации для башкир и татар, были приоритетами на первом месте в иерархии рангов, то для русских, более важными и более ценными изменениями виделись улучшение условий для личного раскрепощения человека.

Выявленные масштабными опросами тенденции форсированной этнической мобилизации и обретения демократических свобод выглядели одновременно и очень серьезно и не в меньшей мере – банально. Однако социологические опросы тем и хороши, что позволяют увидеть не только банальные вещи. Порой к разряду не видимых невооруженным глазом относятся межэтнические различия в иерархии факторов улучшения жизни. В отличие от башкир и татар, для которых наиболее зримыми и впечатляющими оказались перемены в национальном возрождении, для русских на первом месте среди новообретений оказались ценности, связанные с ростом самостоятельности и инициативы. Условно говоря, первые три года социальных трансформаций пошли на пользу этнизации и политизации представлений титульных национальностей и вдохнули импульсы демократической деинфантилизации для русских.

Таблица № 2
Иерархия индикаторов перемен в жизни к лучшему
в представлениях граждан трех республик (в % по итогам опроса)

Перемены к лучшему	Башкортостан			Татарстан			Удмуртия		
	национальностей			национальностей			национальностей		
	башкиры	татары	русские	татары	русские	чуваш	удмурты	русские	другие
1. В национальном возрождении	22.9	15.3	9.2	30.2	12.1	8.4			
2. В росте самостоятельности	17.6	18.5	16.3	18.5	22.0	9.9	10.2	12.9	10.1
3. В материальном положении	3.9	3.5	3.9	5.4	5.2	5.4	2.2	2.3	5.6
4. В уважении и человеческом достоинстве	2.8	1.5	1.8	6.3	2.7	4.0	1.9	0.5	
5. В условиях труда	1.6	1.7	2.7	1.7	1.6	3.0	1.0	1.1	1.1
6. В быту и семейной жизни	1.0	0.5	1.2	1.8	2.7	4.0		0.5	
7. В улучшении экологии	0.5	1.2	0.9	0.6	0.8	0.5		0.3	
8. В состоянии здоровья	0.1	0.1	0.6		0.3			0.5	
9. Затруднялись ответить	49.6	57.8	63.3	35.5	52.6	64.9			

Поражает единодушие, с которым взрослое население городов Башкортостана и Татарстана, а также всей Удмуртии, отметили отсутствие каких-либо улучшений в условиях труда, в материальном положении, в быту и семейной жизни, в улучшении экологии и в состоянии здоровья (см. табл. 2).

Не меньшее единодушие было выражено и в оценке перемен к худшему. В отличие от позитивных итогов суверенизации, ее негативы и «беды» оказались схожими для большинства населения трех республик, практически независимо от их национальной принадлежности.

Представители титульных национальностей и русские во всех трех республиках, а также татары в Удмуртии и Башкор-

тостане, чуваша в Татарстане в ряду перемен к худшему на первое место выдвинули падения жизненного уровня, на второе – рост преступности (см. табл. 3).

На третьем и четвертом местах оказались жалобы населения независимо от национальности в Башкортостане и Татарстане на ухудшение атмосферы межнациональных отношений и экологической обстановки. Некоторые исключения выявили татары Башкортостана, среди которых удельный вес лиц, указавших на ухудшение экологии, составил третью по рангу величину, почти в два раза превысив долю тех татар, кто в качестве ухудшения назвал сферу межнациональных отношений (см. табл. 3).

Таблица № 3
Иерархия индикаторов перемен в жизни к худшему в представлениях граждан трех республик (в % по итогам опроса 1993 г.)

Перемены к худшему	Республики ПФО								
	Башкортостан			Татарстан			Удмуртия		
	национальности			национальности			национальности		
	башкиры	татары	русские	татары	русские	чуваша	удмурты	русские	другие
1. В материальном положении	21.1	19.9	19.3	20.0	16.6	23.8	26.3	21.6	19.1
2. Рост преступности	12.2	17.6	13.1	19.5	21.3	17.3	18.1	17.0	10.1
3. В межнациональных отношениях	6.7	4.0	7.9	8.9	17.3	6.4	3.2	2.8	4.5
4. В ухудшении экологии	6.2	7.8	7.0	2.0	2.0	0.5			
5. В настроении	2.9	3.3	3.9	2.5	5.6	4.0	2.9	3.6	3.4
6. В условиях труда	2.6	2.3	2.7	2.0	2.0	1.5	1.6	0.5	1.1
7. В семейной жизни	0.9	0.9	0.9	0.4	0.3	1.5	0.6	0.2	2.2
8. В состоянии здоровья	0.9	1.2	1.6	0.8	0.7	1.0	0.3	0.8	
9. Затруднялись ответить	46.4	43.0	43.6	43.9	34.1	43.1			

Выигравшие и проигравшие в ходе перемен

Если на заре социально-политических трансформаций, как показали опросы 1993 г., наиболее видимыми были плоды этнической мобилизации и успехи демократизации в деле обретения свободы и

самостоятельности, то по прошествии более десяти лет стали более отчетливо проступать обретения и потери в ряде других сфер жизнедеятельности.

Весной 2002 г. мы обратились к различным группам населения с просьбой указать, кто и в какой сфере народного хозяйства больше всего выиграл от экономических реформ.

Более чем двое из троих взрослых граждан Удмуртии, в том числе 66,0 % удмуртов, 68,4 % русских и 66,7 % представителей других национальностей указали на работников банков и финансово-кредитной среды. Наряду с этим 60,0 %, в том числе 59,3 % удмуртов, 61,7 % русских и 57,6 % других назвали представителей шоу-бизнеса. На третьем месте среди выигравших, по данным того же опроса, оказались работники средств массовой информации (см. табл. 4).

Две вещи поражают в нынешних представлениях граждан Удмуртии относительно баланса выигравших и проигравших в различных отраслях хозяйственной сферы. Прежде всего, распространение схожих установок среди представителей едва ли не всех национальностей Удмуртии и наличие аналогичных взглядов и у удмуртов, и у русских относительно того, кто выиграл и кто проиграл.

Опираясь на итоги этого опроса можно выстроить иерархию выигравших по сфе-

рам их хозяйственной деятельности. Больше всего пострадали от реформ, т.е. менее всего оказались в выигрыше – работники сельскохозяйственного производства. По сути они оказались аутсайдерами в процессах модернизации и социальной трансформации. Об этом можно говорить без каких-либо сомнений и колебаний, если принимать в расчет данные опроса, согласно которым всего лишь 2,7 % взрослого населения Удмуртии назвали крестьян в числе выигравших от этнополитических и социально-экономических реформ.

Независимо от степени адекватности народных представлений о реальных процессах социальных трансформаций, факт остается фактом. Удельный вес лиц, считающих, что более всего от экономических реформ выиграли работники банков и финансово-кредитной сферы составлял 67,4 %, что было в 25 раз больше, чем выигрыш работников сельскохозяйственного производства, в 17,2 % раза больше, чем работников культуры, науки, здравоохранения и образования, в 11 раз больше, чем работников промышленности, транспорта и строительства, в 8 раз больше, чем работников сферы обслуживания (см. табл. 4).

Таблица № 4
Выиграли от экономических реформ (в % по итогам опроса)

Кто выиграл от экономических реформ	национальность			
	все	в том числе:		
		удмурты	русские	другие
1. Работники банков, финансово-кредитной сферы	67.4	66.0	68.4	66.7
2. Представители шоу-бизнеса, развлечений	60.5	59.3	61.7	57.6
3. Работники сферы СМИ	11.2	9.6	11.5	15.2
4. Работники сферы обслуживания	7.9	6.7	8.5	9.1
5. Работники промышленности, транспорта, строительства	5.9	5.5	6.2	6.1
6. Работники культуры, науки, здравоохранения, образования	3.9	6.1	2.8	2.0
7. Работники сельского хозяйства	2.7	2.3	2.5	5.1
8. Затруднялись ответить	14.8	17.4	13.1	15.2

Совокупность знаний народа о самом себе всегда больше, чем знания отдельного аналитика о народе. Народ внимательно следит за ходом социальных трансформаций и чутко реагирует на происходящие перемены. И, пожалуй, нет никаких оснований сомневаться в убеждениях широкого круга населения в том, что от экономических реформ больше всего выиграла мафия и акулы теневого бизнеса. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что почти двое из трех граждан Удмуртии, в том числе 65,1 % удмуртов, 61,4 % русских и 64,6 % других национальностей указали, что больше всего от экономических реформ выиграла мафия (см. табл. 5).

Едва ли не в самом большом экономическом проигрыше оказались лидеры национальных движений и национальных культурных объединений. Пока они в течение

1990-х гг. боролись за власть, за возрождение народа, за преподавание родного языка, за эфирное время и за издательские прерогативы, жирные хозяйственные куски в ходе приватизации проплывали мимо них.

Их экономический проигрыш не прошел мимо внимания народа. Всего лишь 4,4 % указали, что эта немногочисленная, но активная прослойка населения выиграла от экономических реформ. Если судить по итогам опроса, урожай голосов, поданных за лидеров национальных движений и национально-культурных объединений, как выигравших от экономических реформ, был в 14,3 раза меньше, чем за мафию, в 9,6 раза меньше, чем за новых демократов и представителей иностранного капитала, и даже в 2,8 раза меньше, чем за бывших партocrats (см. табл. 5).

Таблица № 5
Выиграла от экономических реформ (в % по итогам опроса)

Кто выиграл больше всего от экономических реформ	национальность			
	все	в том числе		
		удмурты	русские	другие
1. Мафия (теневая экономика)	63.0	65.1	61.4	64.6
2. Олигархи	42.3	36.9	44.3	49.5
3. Демократы (новая номенклатура)	13.9	13.1	14.6	12.1
4. Представители иностранного капитала	13.5	15.1	13.6	7.1
5. Лидеры партий в общественных движениях	12.7	11.3	13.6	12.1
6. Бывшие партocrats (старая номенклатура)	12.2	8.7	14.3	12.1
7. Лидеры национальных движений и национально-культурных объединений	4.4	5.2	3.9	4.0
8. Затруднялись ответить	14.3	17.4	12.2	15.2

Проигрыш работников сельскохозяйственного производства и лидеров национально-культурных объединений имеет в условиях Удмуртии особый этнический аспект. В условиях неограниченной гибкости рынка труда и стихийности («невидимые руки») рыночных отношений, более

всего незащищенной оказывается удмуртская часть экономически активного населения. Поэтому логика модели высокочинамичных преобразований требует от властных органов разработки дополнительных мер по стабилизации положения удмуртской части занятого населения. Уд-

муртская часть населения, как показывают результаты нашего исследования, больше чем русская и татарская, нуждается в том, чтобы органы власти, чутко следили за теми, кто выиграл и кто проиграл в ходе реформ и обучали отстающие в своей адаптивности слои населения правилам, как выигрывать и как проигрывать, чтобы быть на коне и не впасть в отчаяние, доводящее до суицида. Необходимость проведения политики так называемых аффирмативных акций до сих пор имеет свою историческую логику.

Нынешнее отставание удмуртской части населения в адаптационных процессах обусловлено более слабой энергией этни-

ческой мобилизации. Это отставание было запрограммировано еще в советские годы, когда давление национализма и этнической мобилизации использовалось в личных интересах политических элит в республиках, особенно в бывших союзных республиках.

Этническая мобилизация как форма демократического движения давала идеологическую и организационную основу для социальной мобильности. Отсутствие у политической элиты Удмуртии в советские времена заинтересованности в этническом факторе вело к ослаблению этнического фактора.

Трансформации трудовой занятости

Если бы кто-то взялся определить тематическое распределение социологических исследований, то, наверняка бы, обнаружил, что львиная доля посвящена проблемам занятости, трудоустройству, а так же социально-профессиональной мобильности, т.е. вертикальным и горизонтальным перемещениям рабочей силы. Такая диспозиция актуальных проблем в предметной области социологических исследований не должна вызывать удивление, т.к. динамические тенденции в сфере труда не менее наглядно отражают результаты социальных трансформаций, чем изменения в представлениях об изменениях.

Наряду с перечисленными более или менее устоявшимися исследованиями в предметной области советской социологии, в переходном периоде и особенно в постсоветском десятилетии, востребованными оказались темы, связанные с формированием конкурентного рынка труда как неизбежной составной части и как социального результата экономических реформ².

Президент Удмуртской Республики А.А. Волков и Правительство внимательно следят за состоянием дел в сфере занятости трудоспособной части населения республики и добиваются сбалансированности между спросом на рабочую силу и ее предложением. Численность занятых на всех предприятиях республики в 2001 г. возросла на 643 тысячи человек, или на 2 %³.

Несмотря на справедливое недоверие к вульгарно-материалистическому упрощению детерминантов образа жизни, – согласимся с Л.А. Гордоном и Э.В. Клоповым, – в том, что для большинства людей именно труд составляет в настоящее время основу жизнедеятельности и в немалой степени предопределяет отношение к времени, обществу, самому себе, а так же к итогам социальных трансформаций⁴.

Для подавляющего большинства населения трудовая деятельность в производственной сфере является источником основных доходов и соответственно одним из главных факторов, определяющих уровень

благополучия и масштабы (количество и качество) потребления.

В переходный период истории страны передвижения занятого населения из одной хозяйственной сферы в другую отражают успехи или неудачи, глубину и скорость социальных трансформаций.

Без преувеличения можно сказать, что в сфере занятости населения, как на экране, отражаются противоречивые тенденции нынешних социальных трансформаций. Для одной части населения переход из государственной сферы в частную означает крах уверенности в завтрашнем дне, разрушение прежней системы представлений о порядке и мироустройстве. С другой – бесконечные задержки зарплат, спад производства, банкротства толкают людей на риск трудового самоопределения и социального выживания.

В течение первого постсоветского десятилетия происходили перемещения занятого населения из государственного в иные сектора. К весне 1993 г., т.е. всего через год после «шоковой терапии» Егора Гайдара и начала приватизационного про-

цесса, по данным опроса, в государственном секторе остались 75 % занятого населения. В частном секторе уже работало 3,5 %, в акционерных предприятиях – 9,1 %, в кооперативном – 2,5 % (см. табл. 6).

Весной 2002 г. пропорции занятого населения выглядели по-иному. В государственном секторе доля занятых сократилась до 40,1 %, в акционерных предприятиях возросла до 19,5 %, а в частном секторе – до 16,3 % (см. табл. 6).

Опросы 1993 г. и 2002 г. производились с учетом динамических тенденций. В ходе социальных трансформаций, что естественно потребовало внесения корректив в инструментарий исследования. Поэтому, строго говоря, данные о распределении занятого населения по секторам экономики не вполне сопоставимы. Однако одно остается незыблемым и подходящим для ретроспективных сравнений, в том числе независимо от того, ведется ли расчет данных опроса по всей совокупности населения или только по ее занятой части.

Таблица № 6
Ротация занятого населения (в % по итогам опроса)

Форма собственности предприятия или организации	Все население		Занятое население	
	1993	2002	1993	2002
1. Государственная	59.4	31.0	75.1	40.1
2. Акционерная	7.2	15.0	9.1	19.5
3. Колхозная	5.3	–	6.6	–
4. Частная	2.8	12.6	3.5	16.3
5. Кооперативная	2.0	4.9	2.5	6.3
6. Муниципальная	–	10.2	–	13.2
7. Другое	1.7	–	1.2	–
8. Совместное предприятие	0.8	0.8	0.1	1.0
9. Затруднялись ответить	1.5	2.9	–	–
10. Не работают	20.9	22.7	–	–
11. Численность опрошенных (n)	1016	1010	804	781

Удельный вес удмуртского населения, занятого в госсекторе, сократился на 21,7 %, русского – на 32,6 %, других националь-

ностей – на 25,0 %. Это означает, что размах вариации, составляющий в 1993 г. между долями занятых в госсекторе удмуртами

и русскими – 8,1 %, сократился в 2002 г. до 2,8 % и следовательно произошло некоторое выравнивание доли занятых удмуртов и русских в госсекторе (см. табл. 7).

В частном и акционерном секторах, напротив, разрыв по долям занятых удмуртов и русских возрос от 8,0 % в 1993 г., до 10,4 % в 2002 г., в первом случае, и от 4,9 % до 8,8 % – во втором. Подобные сдвиги однозначно свидетельствуют о противоречивости перетока занятого насе-

ления из одних сфер в другие. Выравнивание удмуртов и русских происходило в процессах, имеющих скорее консервативный характер, в то время, как в трансформационных процессах, в том числе в переходе в частный и акционерный сектора различия не сокращались, а возрастали.

Следовательно, есть основания для вывода об отставании удмуртской части в деле перемещений в новые постсоветские сектора экономики.

Таблица № 7
Распределение национальностей Удмуртии по секторам экономики
(в % по итогам опроса)

Формы собственности предприятий или организаций	Национальности					
	удмурты		русские		другие	
	1993	2002	1993	2002	1993	2002
1. Государственная	54.3	32.6	62.4	29.8	57.3	32.3
2. Акционерная	6.7	11.6	6.7	15.5	12.4	24.2
3. Колхозная	12.4	–	2.1	–	1.1	–
4. Частная	1.3	9.3	3.4	13.8	3.4	17.2
5. Кооперативная	2.9	9.0	1.5	3.2	2.2	–
6. Муниципальная	–	10.2	–	10.6	–	8.1
7. Другое	1.6	–	0.8	–	–	–
8. Совместные предприятия	–	0.6	0.2	1.1	–	–
9. Не работают	18.7	23.3	21.9	23.6	21.3	15.2
10. Затруднились ответить	2.2	3.5	1.0	2.5	2.2	3.0

Свет и тени вторичной занятости

Важным показателем социальных трансформаций является характерное для первого постсоветского десятилетия расширение так называемой вторичной занятости, как новая форма ускорения трудовой мобильности. В литературе существует мнение о том, что главной причиной увеличения такой специфической формы движения рабочей силы, как поступления на вторую работу в дополнение к первой (основной) явилось ослабление государственного регулирования экономической политикой и расширение свободы найма⁵.

Безусловно, либерализация форм поступления и ухода с работы в госсекторе сыг-

рало важную, но, думается, не единственную роль. Для проверки этой гипотезы о «сжатии времени» в инструментарий исследования «Электрокардиограмма социальных трансформаций» было включено два взаимосвязанных вопроса: о степени вторичной занятости и о занятости с целью получения дополнительного заработка. Опрос позволил выявить как некоторые сквозные для всего населения Удмуртии тенденции, так и отдельные специфические особенности, характерные для вторичной занятости среди лиц различной национальности.

Общая тенденция перемен в сфере трудовой занятости состояла в повышении степени занятости. Удельный вес взрослого населения, не работающего и не находящегося на учебе за период между 1993–2002 гг., хотя и колебался, но в целом оставался на одном и том же уровне и составлял 20,5 % и 19,8 %. Доля работающих только на одной работе или же не совмещающих учебу с трудовой деятельностью, как это было в советские времена, сократилась соответственно в первом случае с 59,6 % до 53,5 %, и с 9,5 % до 3,7 % (см. табл. 8).

За этот же период вдвое возросла доля лиц, совмещающих учебу и работу, повысился удельный вес работающих пенсионеров (с 6,3 % до 8,6 %) и появилась группа лиц, 6,4 % работающих на двух или трех работах (см. табл. 8).

Налицо две стороны одной медали: интенсификация трудовой деятельности, в том числе за счет совмещения труда с учебой или с пенсионным состоянием и деинфантилизацией, состоящей при советской власти в возможности только работать или только учиться без необходимости их совмещения.

Таблица № 8
Степени занятости (в % по итогам опроса 1993–2002 гг.)

<i>Чем занимаются в настоящее время?</i>	<i>1993г.</i>	<i>2002г.</i>
1. Работают	59.6	53.5
2. Не работают и не учатся	20.5	19.8
3. Учатся	9.5	3.7
4. Находятся на пенсии и работают	6.3	8.6
5. Работают и учатся	3.2	6.6
6. Учатся и работают	0.8	1.4
7. Работают на 2-х работах		5.7
8. Работают на 3-х работах		0.7

Проведенные опросы подтвердили внутреннюю противоречивость тенденций трудовой мобильности. Да, действительно, позитивное начало состояло в интенсификации занятости значительной части населения. Но это приходилось делать не из предрасположенной любви к труду как таковому, а, скорее вынужденно, ради выживания. Доказательством тому служит тот факт, что удельный вес лиц, не занимающихся трудовой деятельностью ради дополнительного заработка, сократился за 9 лет с 75,2 % до 57,4 %.

За этот же период доля лиц, занимающихся от случая к случаю деятельностью, помимо своего основного места работы, исключительно ради дополнительного заработка, возросла вдвое, сезонно – в 2,3

раза, несколько раз в месяц – в 2,5 раза (см. табл. 9).

Повышение интенсивности трудовой деятельности не вглубь, а вширь, за счет вторичной занятости создает, как отмечают Л.А. Гордон и Э.В. Клопов, немалые материальные и психологические сложности⁶ для значительных контингентов населения, особенно для тех людей, которые не имеют навыков «перемены мест».

Интенсификация трудовой деятельности («потовыжималка» – по принятой на Западе терминологии) ради дополнительного заработка у одних прибавляет адреналина в кровь и повышает чувство самоуважения и собственного достоинства, у других – способствует потере социальной комфортности, устоявшейся стабильной,

гарантированной, как прежде, государством трудовой позиции, у третьих, ведет к физическому износу, истощению и ослабленности здоровья, четвертых лишает возможности для продолжения образования

или расширения культурного кругозора, в активизации трудовой и учебной мобилизации удмурты отставали от других.

Таблица № 9
Занятия ради дополнительного заработка (В % по итогам опроса 1993–2002 гг.)

<i>Кто часто занимается деятельностью, чтобы иметь дополнительный заработок.</i>	1993 г.	2002 г.
1. Не занимается	75.2	57.4
2. Да, от случая к случаю	11.0	21.9
3. Да, постоянно	7.1	5.1
4. Да, сезонно	4.7	10.9
5. Да, несколько раз в месяц	1.1	2.8
6. Да, несколько раз в неделю	0.9	–

* – Данные включены в строку «Да, постоянно»

В то же время удмурты больше, чем русские и другие работали на износ и на выживание. Удельный вес удмуртов, работающих на двух и трех работах, составил 7,9 %, и был выше, чем среди русских (5,6 %) и других (6,0 %) (см. табл. 10).

Среди удмуртов, как и среди русских, в 2002 г. по сравнению с 1993 г., сократилась доля лиц, занятых только на одной

работе (с 68,3 % до 57,0 %) и осталась без изменений доля тех, кто не работал и не учился. Однако в повышении трудовой и учебной активности обнаружилось существенные различия. Среди русских и «других» удельный вес лиц, совмещающих работу с учебой и учебу с работой возросла соответственно с 3,9 % до 9,0 %, и с 7,8 % до 11,0 % (см. табл. 10).

Таблица № 10
Степень занятости среди национальностей Удмуртии (в % по итогам опроса)

<i>Чем занимаются в настоящее время?</i>	<i>Национальности</i>					
	<i>удмурты</i>		<i>русские</i>		<i>другие</i>	
	1993	2002	1993	2002	1993	2002
1. Работают на одной работе	68.3	57.0	57.4	51.1	60.7	54.5
2. Не работают и не учатся	20.3	20.9	21.6	20.1	13.5	14.1
3. Учатся	4.8	3.5	11.3	3.4	14.6	6.1
4. Находятся на пенсии и работают	7.9	5.2	5.9	10.8	3.4	8.1
5. Работают и учатся	2.9	4.7	3.1	7.1	5.6	11.1
6. Учатся и работают	0.3	0.9	0.8	1.9	2.2	
7. Работают на 2-х работах		7.6		4.6		4.0
8. Работают на 3-х работах		0.3		0.7		2.0

В итоге размах вариации между удмуртами и другими возрос с 4,6 % в 1993 г., до 5,4 % в 2002 г.. Это означало, что расширение круга лиц, занимающихся трудовой деятельностью, кроме основного места работы для того, чтобы иметь дополнительный заработок, происходило более или

менее равномерно среди национальностей Удмуртии. Об этом можно судить по равномерно и синхронно сокращающейся доле лиц, занятых только на одной работе, и не занимающихся каким-либо трудом ради дополнительного заработка. Доля таких лиц, в частности, сократилась за 1993–

2002 г. среди удмуртов на 16,0 %, русских – на 18,2 %, других – на 17,7 % (см. табл. 11).

Зеркально равномерно в это же время возрастали среди национальностей доли лиц, занимающихся трудом ради дополнительного заработка, в том числе среди удмуртов с 28,0 % до 41,7 %, среди русских с 23,3 до 40,5 %. При этом большинство русских и представителей других нацио-

нальностей дополнительными заработками занимались от случая к случаю. Удельный вес случайных заработков возрос за период 1993 и 2002 гг. среди русских с 11,8 % до 22,9 %, среди других – с 12,4 % до 19,2 %. Среди удмуртов в 1993 г. был самый высокий процент лиц, занимающихся постоянно каким-либо трудом ради дополнительного заработка (11,5 %. К 2002 г. эта доля сократилась до 2,0 %.

Таблица № 11
Занятия ради дополнительного заработка
(в % по итогам опроса)

Как часто занимаются деятельностью, чтобы иметь дополнительный заработок?	Национальности					
	удмурты		русские		другие	
	1993г.	2002г.	1993г.	2002г.	1993г.	2002г.
1. Не занимаются	72.1	56.1	76.8	58.2	75.3	57.6
2. Да, от случая к случаю	9.2	20.9	11.8	22.9	12.4	19.2
3. Да, постоянно	11.5	2.0	6.4	2.1	6.7	9.1
4. Да, сезонно	6.7	13.0	3.8	10.1	4.5	6.1
5. Да, примерно раз в месяц	0.6	5.8	1.3	4.6	1.1	6.1

Выявленная в ходе опросов положительная связь между вторичной и третичной занятостью и относительно высокой степенью адаптивности к новым рыночным отношениям, не должна вводить в заблуждение. Бесспорно, вторичная занятость подтверждает сам факт трудовой мобилизации и некое превосходство в конкурентоспособности двукратно занятого населения, по сравнению с теми, кто занят только на одной работе.

Однако, если смотреть в корень, вторичная занятость является компенсацией тех социальных гарантий, которые обеспечивало советское государство. В самом деле, – как своевременно напоминает Джерри Хафф в связи с анализом света, а более того тени экономических реформ, – в бывшем Советском Союзе не было комплексной системы социального обслуживания населения, но заводы и другие учреждения предоставляли ряд услуг социально-экономического характера. Заводы строили на

министерские средства, дома и квартиры распределяли между своими работниками. Они поддерживали в хорошем состоянии дома своих рабочих в поселках или районах и субсидировали милицейскую и пожарную охрану этих домов. Заводы строили и частично финансировали больницы, владели и управляли подсобными хозяйствами, которые снабжали продуктами работников, предоставляли детские дошкольные учреждения и летние лагеря для детей своих работников, ремонтировали школы и дороги и т.д. Выделялись бесплатные или дешевые путевки на заводские или министерские курорты. Обед был основным приемом пищи, и мясные блюда продавались в заводских столовых по цене ниже их себестоимости. В заводских киосках продавались по дотируемым ценам мясо и другие дефицитные товары, которые рабочие могли унести домой⁷. Все это, или почти все, рухнуло в самом начале задуманной реорганизации,

запланированной в рамках экономических реформ, которые должны были разрушить большую часть прежней социальной инфраструктуры. Ликвидация перечисленных социальных гарантий и благ наряду с другими факторами стала побудительным мотивом вторичной занятости.

В современных процессах глобализации основным показателем конкурентоспособности выступают новые технологии и новые высокопродуктивные отрасли хозяйства. Согласно наблюдениям Мануэля Кастельса, процесс глобализации выливается в рост производительности, потому что фирмам приходится улучшать качество своей работы, чтобы не проиграть соревнования с более сильными товаропроизводителями на мировых рынках⁸. С этой точки зрения вторичная занятость имеет личностный мобилизационный аспект, но ее основная цель – выживание, а не процветание российской экономики. Поэтому вряд ли она может достаточно весомо и убедительно служить фактором и показателем развития, критерием глубоких социально-экономических трансформаций. Она лишь подтверждает открытый еще Максом Вебером и до сих пор остающимся методологическим краеугольным камнем тезис о том, что «капитализм, господствующий ныне в хозяйственной жизни, воспитывает и создает в процессе экономического отбора тех хозяйствующих субъектов – предпринимателей и рабочих, – которые ему нужны»⁹.

Согласно официальным данным на начало 2001 г. численность безработных в Удмуртии составляла 22,1 тысяч человек. По сравнению с предыдущим (2000-м) годом значительно снизились масштабы неполной занятости. Численность работников крупных и средних предприятий, которым были предоставлены принудительные от-

пуска по инициативе администрации, снизилась на 24 %, еще на 17 % сократились потери рабочего времени в связи с работой неполное рабочее время. Такова официальная оценка состояния дел на рынке труда в Удмуртии.

В результате ряда целенаправленных мер, разработанных руководством республики совместно с капитанами промышленного и сельскохозяйственного производства, численность безработных в Удмуртской Республике сократилась на 1,3 тысячи человек, или на 6 % и на начало 2002 г. составила 20,7 тысяч человек. При этом уровень безработицы составил 2,6 % от экономически активного населения¹⁰.

В свете приведенных данных о безработице и неполной занятости экономически активного населения, рассмотренные нами данные о вторичной занятости приобретают более выпуклый и более впечатляющий вид. Об этом стоит сказать особо, тем более, что официальная статистика, судя по Отчету Правительства Удмуртской Республики за 2001 г., не регистрирует или, по крайней мере, не манифестирует состояние дел в республике с неполной занятостью. На фоне открытой и скрытой безработицы полученные нами социологические данные о вторичной занятости наполняют дополнительным содержанием происходящие в республике процессы социального расщепления занятого населения на адаптантов и инфантилов, когда одна из них «перегружается», а другая «недогружается» работой. Разумеется, речь идет не о деталях, а о тенденциях. И задачи дальнейших исследований состоят в определении того, за счет какой части маргиналов будут пополняться верхи и низы новой иерархической пирамиды социально активного и пассивного населения. Не требует особых пояснений тот факт, что новые перекосы в сфере занятости (не-

дозанятость одних и перезанятость других) ведет к углублению социального неравенства, что служит достаточно веским основанием для прогнозирования новой волны противоречий как на социальной, так и на этнической основе. Для раннего предупреждения конфликтных последствий происходящей поляризации необходимо изучение трансформаций в структуре занятости и учет эволюции статуса занятости. И здесь итоги опроса дали впечатляющую информацию, к которой имеет смысл внимательно приглядеться.

Анализ данных нашего исследования позволяет сделать прогноз о том, что неумолимые законы модернизации экономики и жизнедеятельности потребуют от руководства дальнейшей гибкости, осторожности и умелой маневренности в прохождении между Сциллой последовательного введения новых технологий, требующих неизбежного сокращения трудных затрат, и Харибдой обеспечения социальных гаран-

тий появляющимся излишкам не востребовавшейся рабочей силы. Помощь науки для обеспечения этого прохождения может состоять в разработке технологий переподготовки, перепрофилирования и профессиональной подготовки, поиск механизмов смягчения конфликтных последствий в нарастающей конкуренции как на личном, так и на уровне между отдельными фирмами, ведомствами и предприятиями. Очевидный вывод из анализа полученных нами данных о вторичной занятости состоит в том, что в ходе дальнейших социальных трансформаций будет постоянно маячить необходимость выбора между массовой безработицей и ее спутником – резким разделением экономически активного населения на сверхзанятых, нормально занятых, недозанятых и безработных. Иными словами, проблема изучения существующих представлений о сегодняшней занятости и завтрашней предпочтительности поднимается на республиканский уровень.

Выбор работы: смена критериев

Перемены происходящие на рынке труда являются в известной мере отражением баланса спроса и предложений. В процессе перехода от плановой к рыночной экономике существенные изменения претерпели многие ценностные ориентации, в том числе отношение к трудовой активности и критерию выбора профессии, мест, содержания и смысла работы. В условиях, когда многие тысячи бывших советских граждан оказались без работы и средств существования, довольно быстро рассеялись культивированные социалистической идеологией и советской пропагандой иллюзии о том, что труд служит первой жизненной потребностью, едва ли не как потребность к самовыражению или творчеству.

По результатам многих, ставших теперь классическими социологическими исследованиями человека и его труда, выходило, что в советское время первостепенное значение придавалось, прежде всего, содержанию, затем режиму работы, и только на третьем месте – величине заработка¹¹.

Формирование свободной общественной атмосферы в Удмуртии, как и во всей России в 1990-е гг., устранение идеологического и пропагандистского давления, позволило руководителям предприятий и работникам более трезво относиться к своей трудовой деятельности, в том числе критерием ее выбора.

Таблица
Динамика представлений об отношении к трудовой деятельности
среди работающего населения СССР и России
(в % по итогам социологического мониторинга)¹²

Время опроса	Отношение к труду, как ценности, хотя и не высшего порядка	Инструментальное отношение к труду	Отношение к труду как:		Нет определенного мнения
			одной из высших ценностей	тяготе, как антиценности	
1989	54	25	15	6	
1991	31	48	12	9	
1993	23	47	12	10	8
1994	12	65	14	4	5
1995	20	57	14	5	4
1996	16	64	10	6	5
1997	17	61	12	5	5
1998	12	66	10	6	7
1999	10	71	10	2	7
2000	12	68	14	2	4

Опрос весной 2002 г. показал, что на первое место среди прочих критериев выдвинулась материальная заинтересованность работника. Каждый второй житель Удмуртии в ходе опроса указал, что решающим критерием выбора работы, сегодня, в пору перемен и в условиях перехода к рыночной экономике, т.е. от социализма к капитализму, является «большая зарплата» (далее без кавычек).

Несколько неожиданным явилось то, что на втором месте по значимости оказался критерий: «интересная работа». Его назвали решающим фактором 42,3 % взрослого населения Удмуртии, в том числе 41,9 % удмуртов, 42,9 % русских и 40,4 % других национальностей (см. табл. 12).

Если первый по рангу критерий «большая зарплата» можно объяснить потрясающим обнищанием значительной массы населения, а второй по рангу («интересная работа») – неким реликтовым остатком советских времен, то оказавшийся на третьем по значимости месте критерий «Надежное место работы» представляет собой совер-

шенно новое явление, характерное для пореформенной ситуации на рынке труда, обретения и сохранения места работы в условиях конкуренции.

Принципиальная структура критериев выбора работы, занявших три первые места в иерархии новых требований и потребностей населения, оказалась одинаковой у всех групп, независимо от их национальной принадлежности (см. табл. 12).

По остальным, в целом не менее значимым критерием, обнаружили хоть и незначительные, тем не менее выразительные различия. Так, например, для удмуртской части населения больше, чем для русских или в равной мере, были важны такие критерии «престижная организация», «комфортные условия труда», «возможность приносить пользу своему народу и государству», «хорошие возможности для карьеры». В то время в отличие от русской части населения удмурты реже для себя считали важными такие критерии как «свободный режим работы» и «простая и легкая работа» (см. табл. 12).

Таблица № 12
Структура критериев выбора работы (в % по итогам опроса)

Что является решающим при выборе места для своей работы?	национальность			
	все	в том числе		
		удмурты	русские	другие
1. большая зарплата	52.0	54.1	49.4	59.6
2. интересная работа	42.3	41.9	42.9	40.4
3. надежное место работы	31.7	31.7	31.9	30.3
4. свободный режим работы	10.7	9.3	12.2	7.1
5. престижная организация	6.7	7.0	6.3	8.1
6. комфортные условия труда	5.8	5.5	5.5	9.1
7. возможность приносить пользу своему народу	5.3	4.9	5.5	6.1
8. хорошие возможности для карьеры	4.8	4.7	3.9	10.1
9. простая и легкая работа	4.5	2.6	5.1	7.1
10. возможность приносить пользу государству	3.1	2.9	2.8	5.1
11. затруднялись ответить	8.9	9.9	9.5	2.0

Разумеется, интерпретация основных мотивов (критериев) выбора места работы невозможна вне анализа основных общественных функций трудовой деятельности. Труд, как неоднократно указывалось, является основой человеческого существования, главным стрепнем истории общества. Наряду с природными ресурсами труд является источником всех материальных и духовных ценностей, мерилом культурного роста каждого народа. Подчеркнув большую зарплату и надежность места работы, наши респонденты, пожалуй, даже чересчур откровенно подтвердили, что в истекшем и в наступившем десятилетии

труд стал не только основой существования, но и одновременно противоречивым фактором и объединения и разъединение людей. Если наши современники беспокоятся о том, чтобы место работы было «надежным», это по крайней мере позволяет выделить еще одну, вновь сформированную функцию труда. В нынешней житейской практике труд становится мерой конкурентоспособности человека, наряду с такими изначальными его функциями, как источник богатства, мерой удовлетворения потребностей человека, и стратегия его самовыражения и самоутверждения.

Социокультурные детерминанты самоанализа

Постсоветское десятилетие стало временем серьезной проверки основ народного самоанализа. Шоковая терапия Егора Гайдара в одночасье лишила Россию горделивого звания «самой читающей страны в мире». Но это была лишь надводная часть социально-культурного бедствия, вызванного как тотальным обнищанием, так и разрушительной силой падающей нравственности. Советские люди воспринимали как должное тот факт, что количество и качество образования являются важней-

шими показателями не только уровня развития, но и убедительным фактором авторитета страны в мировом сообществе.

Антиинтеллектуальная политика, осуществляемая администрацией Б.Н. Ельцина, принесла свои плоды в виде нарастающего пренебрежения к лицам, занятым умственным трудом, безусловного осуждения сотрудничества чиновников Министерства иностранных дел с Западом, ведущего Россию к технологическому геноциду и превращению страны в сырьевую колонию. Тя-

желейший урон науке и культуре нанесла так называемая «утечка умов», в ходе которой за рубеж с начала перестройки выехало около 400 тыс. человек с высшим образованием¹³.

Однако сложившаяся за десятилетия существования СССР высокая мотивация на образование, имеет глубокие корни. Это проявилось, в частности, в том, что 51,5 % взрослого населения Удмуртии указало, что сегодня, в пору тотальной свободы и нищеты, повышение образовательного уровня является важнейшим фактором, без которого немислимо улучшение социального самочувствия граждан. При этом среди удмуртской части населения потребность в повышении образования (53,5 %) ощущалась несколько глубже, чем среди русских (51,0 %) и представителей других национальностей (47,5 %) (см. табл. 13).

На втором, третьем и четвертом местах со значительным отрывом от образования, но с незначительным отличием друг от друга, были названы повышение нравственно-

ости (32,1 %), воспитание толерантного (терпимого) отношения людей друг к другу (30,1 %), и ограничения влияния западной массовой культуры (28,8 %). Все перечисленные условия, необходимые для улучшения социального самочувствия заботили удмуртов в большей степени, чем русских, и особенно, чем других. Так, за необходимость повышения нравственности отдали свои голоса без малого каждый третий удмурт и немногим более каждый четвертый представитель другой национальности (см. табл. 13).

Еще один фактор, имеющий важное значение для социального самочувствия, «расширение утерянных вместе с советской властью социальных гарантий» – занял пятое место в иерархии факторов формирования позитивного самочувствия. При этом он представлялся менее существенным для удмуртов (16,3 %) и более важным для русских (23,3 %) и для других национальностей (26,3 %) (см. табл. 13).

Таблица № 13
Социокультурные меры, необходимые для улучшения социального самочувствия граждан России (в % по итогам опроса)

Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан?	национальность			
	все	в том числе		
		удмурты	русские	другие
1. повышение образовательного уровня населения	51.5	53.5	51.0	47.5
2. повышение нравственности	32.1	32.3	32.8	27.3
3. воспитание терпимости людей друг к другу	30.1	32.0	29.1	28.3
4. ограничение влияния западной массовой культуры	28.8	26.2	31.4	23.2
5. расширение социальных гарантий	21.2	16.3	23.3	26.3
6. укрепление солидарности народов России	15.6	17.2	14.1	19.2
7. усиление религиозного воспитания	5.2	5.5	4.1	11.1
8. затруднялись ответить	4.5			

В ряду социокультурных мер, необходимых для улучшения социального самочувствия, были названы в конце списка укрепление солидарности народов (15,6 %) и

усиление религиозного воспитания (5,2 %). При этом потребность в солидарности народов более всего беспокоила в Удмуртии представителей национальных меньшинств

(19,2 %), менее всего – русских (14,1 %). Удмурты занимали в этом вопросе как бы срединную позицию.

Наибольший интерес, заслуживающий особого внимания как аналитиков, так и практиков, представляет собой десятикратный разрыв между двумя полярными факторами – необходимостью повышения образования и необходимостью усиления религиозного воспитания.

Перспектива развития политических процессов в республике, как и по другим регионам России, в немалой мере зависит от религиозной ситуации. В 1990-е гг. резко активизировались не только Русская православная церковь, но и многие другие конфессиональные институты и, прежде всего, духовенство исламской религии¹⁴.

Не устояв перед давлением православного и исламского духовенства, требующих введения религиозного образования в стране, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации одно из своих заседаний посвятил обсуждению проблем «практики осуществления религиозного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях».

Особые симпатии к более тесному взаимодействию государственных органов с церковью проявляют и некоторые чиновники. Так, например, представитель Министерства образования Российской Федерации В. Сериков на упомянутом заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации поддержал активную позицию Российской православной церкви в осуществлении активной молодежной политики в религиозной сфере.

Серьезно увлеклись религиозными проблемами, в том числе вопросами религиозного воспитания, ряд руководителей вы-

сокого ранга, как, например, Уполномоченный представитель Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе С.В. Кириенко и Министр по национальной политике В.Ю. Зорин, о чем свидетельствует созданный по их инициативе специальный справочник о народах и конфессиях Приволжского федерального округа¹⁵.

Заигрывание нынешних государственных структур с церковью, безусловно, будет способствовать социальной активности религиозных объединений, – как миссионерской, так и политической. Уже сейчас в рядах духовенства усиливается тяга «хожения во власть», являющаяся результатом политизации религии и потакательной политики государственных чиновников.

Между тем, как показал социологический опрос, общественное мнение более чем безразлично к такому вопросу как религиозное воспитание. Урожай голосов, собранных в пользу «повышения образования» как самого главного и надежного фактора в социокультурной сфере (51,5 %), в 10 раз превысил голоса тех (5,2 %), кто назвал важным фактором религиозное воспитание (см. табл. 13).

Итак, в нынешних отношениях между государством и религией наметились две ассоциированные тенденции: политизация конфессии, инспирируемая некоторыми религиозными деятелями и конфессионализация государства. Логика развития второй тенденции может привести, как отмечал П.Б. Струве еще в начале XX в., к тому, что церковь окажется в плену у подобной политики. В последнем случае, «плененная и несчастная» церковь станет национальной трагедией, так как ее политическое порабощение обернется ее разложением и гибелью»¹⁶.

Сегодня, когда отечественное мнение, как показали социологические исследования, не поддерживает ни одну из указанных тенденций, ситуация может, в конечном счете, повториться и стать таковой,

каковыми были в соответствии с пророческими предсказаниями П. Струве, всем известные отношения между КГБ и церковью в советские времена, в 20–30-е гг. вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Политико-правовые детерминанты социального самочувствия

Решение многих социальных и социокультурных проблем во многом зависит от имеющихся в обществе объективных возможностей и от предуготованности граждан. С учетом этого в программе исследования был выделен отдельный блок вопросов для того, чтобы актуализировать в сознании респондентов те политико-правовые меры, которые необходимы с их точки зрения, для улучшения социального бытия и социального самочувствия граждан.

Предметом нашего изучения в соответствии с инструментальными возможностями опросного листа стали представления граждан Удмуртии, включенные в анкету в следующей последовательности: укрепление вертикали власти, ограничение доходов богатых, расширение взаимодействия государства с общественными и национально-культурными объединениями, организация акций протеста, повышение законопослушания граждан, расширение взаимодействия государства с религиозными объединениями и снижения уровня коррупции и преступности.

По итогам проведенного опроса 7 перечисленных факторов распределились в весьма экстравагантном порядке.

На первом месте в ряду мер, необходимых для улучшения социального самочувствия граждан, с более чем с двукратным отрывом от второй по значимости меры, оказалось снижение уровня коррупции, терроризма и преступности¹⁷ (76,4 %). Следует

обратить внимание, что полученные нами в ходе опроса результаты о коррупции и преступности, как наиболее опасной угрозе для каждого россиянина, вполне заслуживают аплодисментов действительных членов Российской академии наук. Именно они, академики, и, смею добавить вместе со всем народом, на своем собственном собрании в июне 1999 г. аплодисментами ответили А.И. Солженицыну за следующую оценку главных итогов первого постсоветского десятилетия: «Мы построили невиданное в истории криминальное государство под пиратским флагом»¹⁸.

Ничуть не преувеличивая значительности этого «открытия», необходимо все же подчеркнуть, что наиболее болезненной ситуацией в нынешней политико-правовой сфере является признание слабости государства и неспособности государственных органов обезопасить повседневную жизнь граждан и общественную деятельность, пораженную смертельным недугом коррупции. Мы отдаем себе отчет, что некоторые представления, о которых сообщали респонденты, не являются у них достаточно осознанными, аргументированными и определенными. Например, вряд ли, называя борьбу с коррупцией наиболее важной мерой улучшения социального самочувствия, молодые, средние и пожилые поколения имеют одинаковые и четкие рецепты о совершенствовании социальной политики.

В каждой сфере – экономической, культурной или политико-правовой – люди выстраивают свои стратегии в соответствии со сложившимися представлениями. Еще раз подчеркивая нашу задачу, направленную на изучение не онтологических аспектов социального самочувствия, а лишь на выявление мер, необходимых для его улучшения, заметим, что ни в экономической, ни в культурной сфере не был зафиксирован столь убедительный уровень единодушия граждан в приоритете самой важной (судьбоносной) меры. В сфере экономики, как уже указывалось выше, наиболее важным фактором улучшения социального самочувствия граждан было признано повышение уровня материального благосостояния граждан. Так думала половина всех опрошенных. И разрыв между первым и вторым по рангу факторами составлял всего лишь 12 %. В сфере культуры первые два места распределились сходным образом: между первым (повышение уровня образования – 51,5 %) и вторым (повышение нравственности – 32,1 %) факторами разница составила 19,4 %.

Совсем иное дело в политико-правовой сфере. Здесь между первой и по общественной значимости (снижение коррупции и преступности – 76,4 %) и второй (введение ограничений на доходы богатых – 33,8 %) разница составила 42,6 %. В этом единодушии, безусловно, выражена общая солидарность всего взрослого населения Удмуртии, где первостепенной задачей органов власти является наведение порядка путем устранения коррупции и преступности. Также понимание общей задачи сближает представления всех граждан независимо от национальной принадлежности. За борьбу с коррупцией и преступностью отдали свои голоса 74,7 % удмуртов, 77,2 % русских и 77,8 % респондентов других на-

циональностей. Уровень межэтнической солидарности оказался несколько ниже в представлениях удмуртов и других национальностей по вопросу об ограничении доходов богатых, как меры, приглушающей негативные психологические последствия имущественной поляризации и как меры, улучшающей социальное самочувствие граждан. Удельный вес удмуртов, позитивно оценивающих политику по ограничению социально-экономической поляризации, составил 35,2 %, что на 7,9 % было выше, чем такие же представления среди других национальностей (см. табл. 14).

В укреплении вертикали власти как приоритетной меры, весьма тесно связанной с первыми двумя стратегиями политико-правовой деятельности государственных органов, представители других национальностей заинтересованы несколько больше, чем удмурты и русские. Такое распределение представлений, когда одна и та же категория лиц (другие национальности) меньше, чем удмурты заинтересована в ограничении доходов богатых и в то же время больше, чем удмурты, ждет от государства мер по укреплению власти, позволяет предположить, что одной из мер улучшения ее социального самочувствия является защита накопленного ею имущества и богатства.

Четвертое и пятое ранговые места заняли меры по расширению взаимодействия государства с общественными и национально-культурными объединениями и повышение уровня законопослушания граждан.

В этом есть своя логика и не менее интригующая антилогика. Логично единодушие в каждом из двух стратегий между удмуртами и остальными национальностями. Интрига же состоит в иждивенческом настроении граждан, что проявляется в том, что снижение уровня коррупций и пре-

ступности со стороны государственных органов (сверху) ожидают 76,4 % опрошенных, в то время как (снизу) за ответную меру в повышении законопослушания ратуют всего 17,7 % опрошенных (см. таб. 14). В устранении этих «ножниц» видится широкий фронт для реализации социальной политики и пропаганды.

Условно говоря, иждивенческий подход в 4,3 % раза превышает мобилизационно-адаптационный, суть которого в цивилизационном обществе проявляется в законопослушании граждан. Это является одним из факторов гражданского, а не государственного способа наведения порядка и улучшения социального самочувствия граждан. Сказывается в конечном счете, наработанный в советские времена «ожид

ающий», а не «предлагающий» подход в самообустройстве общества и граждан.

Меньше всего нынешнее взрослое население волнуют вопросы взаимодействия государства с религиозными объединениями (4,0 %) и организация акций протестов (2,2 %) (см. табл. 14).

И в первом, и во втором случае удельный вес удмуртов и без того мизерный (2,6 % и 1,7 %) все же оказался меньше, чем среди русского населения и лиц других национальностей (см. табл. 14).

Следовательно, для удмуртов в меньшей мере, чем для всех остальных национальностей, важна религиозность и острая конфронтация с властями. Ее религиозная и политическая толерантность, если можно так сказать, – несколько выше.

Таблица № 14
Политико-правовые меры, необходимые для улучшения социального самочувствия граждан России (в % по итогам опроса)

Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан России	национальность			
	все	в том числе		
		удмурты	русские	другие
1. снижение уровня коррупции и преступности	76.4	74.4	77.2	77.8
2. введение ограничений на доходы богатых	33.8	35.2	34.0	27.3
3. укрепление вертикали власти	27.0	25.9	27.0	31.3
4. расширение взаимодействия государства с общественными и национально-культурными объединениями	18.2	18.3	17.1	24.2
5. повышение уровня законопослушания граждан	17.7	16.0	18.9	17.2
6. повышение взаимодействия государства с религиозными объединениями	4.0	2.6	4.9	3.0
7. организация акций протеста	2.2	1.7	2.1	4.0
8. затруднились ответить	5.3	7.3	4.6	3.0

Угрозы и риски России (взгляд из Удмуртии)

Своеобразие замысла проекта «Электрокардиограмма социальных трансформаций»¹⁹ состояло, во-первых, в параллельном изучении социального самочувствия граждан и социального самочувствия России; во-вторых, в сопоставлении представлений о трех сферах – экономике, культуре и политике. С помощью двух корреспондирующих друг с другом индикаторов

«какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан» (вопрос В-10) и «что из перечисленного ниже представляется Вам наиболее опасным для России» (И-11) выявились по сути наиболее слабые точки социальных трансформаций. Смысл такого подхода заключался в том, чтобы получить возможность для соединения двух линий анализа – личност-

ного и общественного. Без соединения социологического и политического линий анализа, как отмечал В.А. Тишков, невозможна квалифицированная экспертиза характера и траектории происходящих перемен²⁰, невозможно, добавим от себя, сопоставление личных жалоб населения об опасностях, угрожающих индивидуально-социальному самочувствию граждан, и угрозах всему российскому государству.

Одним из самых поразительных итогов проведенных опросов, пожалуй, можно считать зрелость представлений, сформированных у наших современников с точки зрения элементарного здравого смысла. Можно ли, в частности, недооценивать общественное мнение, отраженное в представлениях граждан и зафиксированных в ходе опросов, если, во-первых, жалобы личные во многом совпали с жалобами «государственными»; если меры для улучшения социального самочувствия граждан во многом совпали с опасностями угрожающими всей России, и если ранговые места двух наиболее разрушительных опасностей – криминализация, преступность, терроризм и коррупция оказались рядом на самой вершине иерархической пирамиды опасностей в политико-правовой сфере жизнедеятельности (см. табл. 15).

Впечатляют и вызывают озабоченность и две другие опасности – приход к власти олигархов и межэтнические конфликты – заняли соответственно третье и четвертое места в ряду угроз России. Приход к власти коммунистов, как и опасность, особенно часто муссируемая правыми силами, не вызывает у широких слоев сколько-нибудь значительных опасений. В этом вполне убеждает пятое место, доставшееся этому фактору.

И, наконец, два последних места, занятые соответственно дискриминацией по этнической и религиозной принадлежности,

как опасностями, угрожающими России, свидетельствуют также о том, что их влияние на современную этнополитическую ситуацию сильно преувеличивают СМИ, отдельные политики и аналитики.

В блоке социокультурных опасностей наибольшую тревогу граждан вызывают эпидемии, СПИД, бездуховность и американизация российского образа жизни.

Душевная сопричастность каждого гражданина к таким явлениям, как утрата национальных традиций и культур, а также кризис семейных отношений, вывели эти два явления на четвертое и пятое места в ряду реальных опасностей, угрожающих не только каждому отдельно взятому человеку, но и всему государству российскому. Пожалуй, менее всего взрослое население Удмуртии поддержало самопрезентацию лидеров этнической мобилизации и духовных наставников национальных движений.

Тот факт, что такие опасности для России в социокультурной сфере как «утрата солидарности и чувства коллективизма», и политизация религии оказались на последнем месте по значимости в качестве угроз России, преисполнено глубокой внутренней противоречивости. С одной стороны, почему должна вызывать отторжение забота об укреплении межэтнической солидарности, а с другой – почему не вызывает тревогу политизация религии? Закономерность постановки таких вопросов вызвано несогласием автора как политика и как эксперта с внутренним голосом народа с тем, что эти две опасности оказались согласно народным представлениям на последнем месте по своей значимости в качестве опасностей для России (см. табл. 15).

В сфере экономики, как уже говорилось, наиболее опасными явлениями видятся спад производства, обнищание и до-

роговизна жизни и связанная с ними массовая безработица. К этим факторам, занявшим первые три места в ряду экономических угроз, приближается ухудшение экономической ситуации, выдвинувшаяся в народных представлениях на четвертое по значимости место. Казалось бы, не проблема рядовых граждан, занятых своим делом и своими заботами выживания, интересоваться таким специальным вопросом, как демографическая ситуация в стране. Тем не менее снижение рождаемости, рост смертности, повышение темпов убыли населения России вызывают чувство тревоги, и, поддавшись этому чувству, люди считают демографическую катастрофу пятой по рангу опасностью для современной России (см. табл. 15).

Такая позиция недооценки опасности демографической ситуации, которую в научной публицистике назвали «приговором нашим реформам», не вполне корреспондирует с выводами опубликованного в се-

редине августа 2002 г. «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 год», подготовленного по инициативе Программы развития ООН. «Главной проблемой демографического развития, с которой Россия вошла в XXI век, – констатируется в этом докладе, – является переход к депопуляционному режиму воспроизводства в национальных масштабах»²¹. Однозначная интерпретация этого вывода звучит приблизительно так: «светлое будущее» России – это постепенное вымирание.

И, наконец, два последних места в иерархической пирамиде опасностей для России, население Удмуртии отвело истощению природных ресурсов и утечке валюты за границу. В известной мере это вызвано тем, что анализ влияния этих факторов на судьбу России, требует специальных знаний, которых, ясное дело, может не хватать рядовым гражданам (см. табл. 15).

Таблица № 15
Ранги политико-правовых, социокультурных, экономических угроз для России
(в % по итогам опроса)

Ранги	Что из перечисленного ниже представляется наиболее опасным для современной России в каждой сфере?		
	политико-правовая	социокультурная	экономическая
1.	криминализация, терроризм, коррупция	эпидемии, СПИД	спад производства
2.	несоблюдение законов	бездуховность	обнищание, дороговизна жизни
3.	приход к власти олигархов	американизация	массовая безработица
4.	межэтнические конфликты	утрата национальных традиций и культур	экологические катастрофы
5.	приход к власти коммунистов	кризис семейных отношений	демографическая катастрофа. Снижение рождаемости, сокращение численности населения
6.	дискриминация по признаку этнической принадлежности	утрата солидарности, чувств коллективизма	истощение природных ресурсов
7.	дискриминация по признаку религиозной принадлежности	политизация религии (участие духовенства в борьбе за власть)	утечка валюты за границу

УГРОЗЫ И РИСКИ В
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Рассмотрим далее сходства и различия в представлениях лиц различных национальностей об основных опасностях, угрожающих в начале второго постсоветского десятилетия России. Отметим предварительно, что едва ли наиболее полное единодушие по одной конкретно взятой опасности было выявлено в политико-правовой сфере, по сравнению с двумя другими сферами – социокультурной и экономической. Наивысший удельный вес лиц, считающих криминал, терроризм и коррупцию наиболее опасным, в первом случае составил 80,6 %, во-втором – (эпидемия, СПИД) 61,8 %, в третьих – (спад производства) – 42,4 %. Это означает, что в оценке направлений внутренней политики взрослое население Удмуртии проявило больше единодушия, чем в оценке экономической и культурной политики. Все без исключения национальностей, в том числе удмурты (80,5 %), русские (80,4 %) и другие (81,8 %) указали коррупцию и криминализацию самой главной опасностью нынешней Рос-

сии. Единодушное выдвижение на второе место по рангам «не соблюдение законов» в представлениях удмуртов (51,2 %) и русских (51,1 %) несколько отличалось от представлений других национальностей (61,6 %), которые как уже упоминалось, были более, чем русские и удмурты, озабочены проблемой несоблюдения законов. Приход к власти олигархов беспокоил взрослое население Удмуртии гораздо сильнее, чем возвращение к власти коммунистов, в том числе в 3,2 раза больше среди русских, в 4,4 раза среди удмуртов и в 5,8 раза среди других национальностей (см. табл. 16).

Две формы дискриминации – по этническому и религиозному признакам менее всего волновали население республики, о чем можно судить по минимальным долям лиц, указавших их в качестве опасностей для России. Криминализация и коррупция представлений многократно более опасными, чем дискриминация по этническому признаку, в том числе в представлениях удмуртов в 15,8 раз, русских – в 18,3 %, других национальностей в 20,4 % (см. табл. 16).

Таблица № 16
Политико-правовые угрозы России (в % по итогам опроса)

Что из перечисленного ниже угрожает безопасности России?	Национальность			
	все	в том числе		
		удмурты	русские	другие
1. криминализация, терроризм и коррупция	80.6	80.5	80.4	81.8
2. несоблюдение законов	52.2	51.2	51.1	61.6
3. приход к власти олигархов	20.6	20.6	20.1	23.2
4. межэтнические конфликты	15.1	13.7	16.4	13.1
5. приход к власти коммунистов	5.5	4.7	6.3	4.0
6. дискриминация по признаку этнической принадлежности	4.7	5.2	4.4	4.0
7. дискриминация по признаку религиозной принадлежности	4.1	3.8	4.4	3.0
8. затруднялись ответить	5.3	7.0	4.8	3.0

УГРОЗЫ И РИСКИ

В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

В перечне социокультурных и экономических опасностей для России опрос выявил гораздо больше различий в представлениях удмуртов и других национальностей, чем в наборе политико-правовых. Удельный вес удмуртов, указавших на эпидемию и СПИД, как самую главную опасность составил 66,6 %, что на 8 % было больше, чем среди русских (58,6 %). В таких же масштабах (8,4 %) оказалось расхождение между русскими и другими национальностями в оценке бездуховности (см. табл. 17).

Против процессов американизации, как опасности для России, решительнее всего выступали русское (32,5 %), менее всего удмуртское (27,0 %) население. Разница, как видно, составляла 5,5 %.

Утрата национальных традиций как фактор, представляющий в целом четвертое

место по значимости в ряду опасностей для России, воспринималась наиболее болезненно среди национальных меньшинств (32,3 %). Несколько в меньших масштабах – среди русских (18,0 %). Между этими популярными группами с размахом вариации в 14,3 %, находились представления удмуртов (23,8 %) (см. табл. 17).

В оценке кризиса семейных отношений, занявших пятое место, как опасность для России, не обнаружено каких-либо межэтнических различий. Утрату солидарности, именуемой в прошлом братством народов или интернационализмом, представители других национальностей переживали несколько острее. (14,1 %), чем удмурты (11,9 %). Что касается политизации религии, менее других опасностей, вызывающей тревогу жителей Удмуртии, удмурты, все же почти в два раза меньше, чем другие, оценивали ее как опасность России (см. табл. 17).

Таблица № 17
Социокультурные угрозы России (в % по итогам опроса)

Что из перечисленного представляется наиболее опасным для России?	Национальность			
	все	в том числе:		
		удмурты	русские	другие
1. эпидемия, СПИД	61.8	66.6	58.6	63.6
2. бездуховность	30.5	26.7	33.7	25.3
3. американизация	30.2	27.0	32.5	28.3
4. утрата национальных традиций и культуры	21.4	23.8	18.0	32.3
5. кризис семейных ценностей	20.7	20.9	20.8	19.2
6. утрата (солидарности) чувства коллективизма	12.8	11.9	13.1	14.1
7. политизация религии (участие духовенства в борьбе за власть)	4.1	3.2	4.2	6.1
8. затруднялись ответить	4.9	5.5	4.6	4.0

УГРОЗЫ И РИСКИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Особого внимания заслуживают межнациональные различия в представлениях об экономических опасностях России. Наиболее заметные расхождения между удмуртами и остальными национальностями

в ходе опроса обнаружили по трем опасностям. Спад производства наибольшую тревогу вызывал среди других национальностей (52,5 %), наименьшую среди – среди удмуртов (40,4 %). Напротив, об-

нищание и нарастающую дороговизну жизни наиболее болезненно воспринимали удмурты (40,1 %), несколько менее болезненно другие (33,3 %).

По сравнению с другими национальностями удмурты оказались наименее подготовленными к восприятию безработицы. Этому феномену, как известно, посвящено ряд серьезных исследований, проведенных в ряде регионов России, в том числе в Мо-

ске, Санкт-Петербурге, Воронеже (1996–1997)²², в Тюменской области²³, в Московской области²⁴ и в ряде европейских стран²⁵.

В оценке экономических и демографических опасностей, а также истощения ресурсов и утечки валюты за границу существенных различий в представлениях удмуртов и остального населения не обнаружено (см. табл. 18).

Таблица № 18
Экономические угрозы России (в % по итогам опроса)

Что из перечисленного представляется наиболее опасным для современной России?	национальность			
	все	в том числе:		
		удмурты	русские	другие
1. спад производства	42.4	40.4	41.8	52.5
2. обнищание, дороговизна жизни	39.1	40.1	39.5	33.3
3. массовая безработица	33.8	39.0	30.9	32.3
4. экологическая катастрофа	22.6	21.2	23.1	24.2
5. демографическая катастрофа, снижение рождаемости, сокращение численности населения	19.6	19.8	20.1	16.2
6. истощение природных ресурсов	18.5	16.3	19.9	18.2
7. утечка валюты за рубеж	13.4	13.1	13.2	15.2
8. затруднялись ответить	3.7	2.9	4.2	3.0

Таблица № 18-а
Угрозы России (в % по итогам опроса – 1996 г.)

Что больше всего угрожает сегодня безопасности России?	Города				
	все	в том числе:			
		Уфа	Омск	Краснодар	Майкоп
1. дальнейший развал экономики	74.2	69.8	75.7	79.0	75.6
2. борьба различных политических сил за власть	51.5	51.2	55.2	51.9	41.1
3. коррупция на различных уровнях власти	41.4	43.0	44.8	38.3	32.2
4. межнациональные конфликты	41.0	40.9	39.8	38.9	48.9
5. рост преступности	39.2	34.7	46.7	42.6	25.6
6. расслоение общества на богатых и бедных	26.2	28.5	30.9	17.9	20.0
7. бедственное положение вооруженных сил	21.2	14.1	27.8	20.4	26.7
8. внешние угрозы	6.1	4.8	8.9	5.6	3.3
9. затруднялись ответить	2.4	1.7	2.3	3.1	3.3

Девииантные мотивы девиантного поведения .

Знамение переходного периода

Коренные изменения, происходившие в Удмуртии, как и в России в целом, самым причудливым образом сочетали в себе по-

зитивные и негативные явления и тенденции, печальные уроки и светлые перспективы. Противоречивая природа социальных

трансформаций совершенно явственно обнаруживалась в улучшении одних и ухудшении других жизненных условий и обстоятельствах²⁶.

Разрушение государственного социализма, как резюмируют итоги своих многолетних изысканий Л.А. Гордон и Э.В. Клопов, устранило создаваемые им препятствия на пути социального прогресса, открыло невидимую в советские времена перспективу обогащения и демократизации общественной жизни. Но в то же время развал Советского Союза и разрушение социалистического сектора оказалось сопряженным с тяжким переходным кризисом, следствием которого стало громадное сокращение экономического потенциала, распад системы социального обслуживания, опасное ослабление государства и ряд других, всем очевидных тенденций²⁷.

Субъективной равнодействующей негативных тенденций беспланового разрушения плановой экономики и налаженной системы жизнеобеспечения стало формирование двух взаимосвязанных явлений – формирование вседозволенности, анархии в менталитете граждан новой-старой России и самоубийственный рост преступности и коррупции.

И не будет большим преувеличением сказать, что сегодня, т.е. в начале второго постсоветского десятилетия, по преступности, как по анализу крови, можно судить о болезнях общества и о состоянии нравственного здоровья граждан.

С целью выяснения места и роли представлений о преступности в жизни общества и мобильности людей в инструментарий проекта «Электрокардиограмма социальных трансформаций» были включены две задачи. Согласно одной из них требовалось выявить девиантные мотивы девиантного поведения.

В перечень представлений о девиантных мотивах девиантного поведения были

включены различные формы противоестественного добывания денег, в том числе: занятием перепродажей (спекуляция), вступлением в брак по расчету, вступлением в физическую близость за плату (проституция), воровством, иждивенчеством (попросить у родителей), мошенничеством (добыть хитростью, обманом), разбоем (взять силой). Девиантные формы поведения в соответствии с генеральным замыслом проекта, (во-первых, ЭКГ – этничность, конфессиональность, гражданственность, и, во-вторых, ЭКГ – экономика, культура, государство²⁸) фиксировалась в трех жизненно важных сферах – экономике, культуре и в политико-правовой сфере. Респондентов просили указать какие из перечисленных в каждом блоке девиантных форм поведения они считают наиболее недостойными. В сфере экономики был предложен следующий набор: обман покупателей, клиентов, партнеров, мошенничество, взяточничество, воровство, проезд в общественном транспорте без билета, коррупция (использование служебного положения для личного обогащения); в сфере культуры – сквернословие (употребление нецензурных выражений), алкоголизм и наркомания, манкуртизм (забвение культурных традиций своего народа), две формы интолерантности (этническая – неприязнь к людям других национальностей и конфессиональная – неприязнь к людям другого вероисповедания), чувство зависти к более удачливым людям; и, наконец, в сфере государственности – предательство интересов России, применение насилия при решении спорных вопросов, уклонение от исполнения гражданского долга, уклонения от налогов, нарушение законов, воинствующий атеизм.

Сегодня изучение наличия или отсутствия толерантности, как готовности к солидарности, имеет исключительно важное значение при постановке диагноза и разработке профилактических мер по преодолению и предотвращению форм криминального и девиантного поведения. В про-

грамме исследовательского проекта «Электрокардиограмма социальных трансформаций» не ставилась специальная задача по выявлению и характеристике конфронтационных и деструктивных по своей природе акций протеста. Однако мы принимали в расчет, что пропаганда денег, как важнейшей ценности успеха в течение первого постсоветского десятилетия, принесла свои плоды в том смысле, что добывание денег стала приоритетной ценностью вхождения в жизнь и самоутверждения в ней.

Потому нас интересовали установки и представления различных групп граждан (школьников, студентов, творческой и научной интеллигенции, всего взрослого населения Удмуртии) о том, какие способы добывания денег они считают нормой, т.е. допустимыми всегда, какие – недопустимыми и недостойными при любых обстоятельствах, и, какие, наконец, из них не допускали возможными для себя в чрезвычайных или в отдельных случаях и ситуациях. Иными словами, принципиальный замысел проектов состоял в том, чтобы установить связи между двумя различными по ориентации векторами предрасположенности людей: с одной стороны – к различным уровням толерантности – доверительности – солидарности, с другой – к различным проявлениям девиантных мотивов девиантного поведения. Выражая свое отношение к перечисленным в анкете 8 способам добывания денег, жители Удмуртии тем самым раскрывали свою готовность или к соблюдению общественной нормы, или склонность к нарушению общепринятых моральных, гражданских или нравственных норм («разбой» – т.е. взять силой, или воровство – т.е. взять то, что плохо лежит).

Ничуть не преувеличивая значение представляемых ниже полученных данных, можно сказать, что взаимосвязь проблем гражданского поведения и девиантности является сегодня одной из центральных про-

блем России, и, по-видимому, не только в сфере образования и воспитания.

В иерархии способов добывания денег, недопустимых при любых жизненных обстоятельствах, первое место в представлениях взрослого населения Удмуртии занимает разбой. Почти каждые трое из четверых респондентов указали на абсолютную недопустимость разбоя, как способа зарабатывания денег.

Второе место по такому же критерию заняла проституция: каждые двое из троих жителей республики назвали недопустимой проституцию как способ добывания денег при любых обстоятельствах. Далее по нисходящей девиантные мотивы девиантного поведения распределились в следующем порядке: мошенничество (60,8 %), воровство (55,0 %), брак по расчету (38,5 %), спекуляция (18,1 %) и иждивенчество (10,8 %).

Следует обратить особое внимание на то, что только один из десяти взрослых жителей населения Удмуртии счел недопустимым просить деньги у родителей в качестве недопустимого способа добывания (зарабатывания) денег. В этом заключен явный показатель инфантильности граждан, красноречивый индикатор их неподготовленности к самостоятельному зарабатыванию денег и инициативному самовключению в новую систему жизнеобеспечения. Итоги опроса выразительно свидетельствуют о незавершенности и о маргинальности сознания большинства населения в переходный период истории России. Ориентация на работу или на подрабатывание является вполне осознанным, рациональным ответом на вызовы капитализации экономики и демократизации общественного сознания, в то время как затянувшееся иждивенчество («попросить у родителей») выступает проявлением инерционного инфантилизма, доставшегося в наследство от патерналистских традиций

прошлого, в том числе от иждивенческих наслоений, накопленных в менталитете советских граждан.

Мы здесь не обсуждаем цивилизационные и этнокультурные аспекты хронологически допустимых рамок иждивенчества. В разных культурах эти рамки могут быть широкими или узкими. Проследивая многолетние взаимоотношения между В.И. Лениным и П.Б. Струве²⁹, автор фундаментальной биографии Струве американский историк Ричард Пайпс неоднократно попрекает В.И. Ленина в иждивенческой неполноценности³⁰. «Последние четыре года (1888–1891) Ленин, – язвительно замечает Р. Пайпс, – провел в полной праздности, живя на пенсию своей матери и доход от ее поместья». «Адвокат без практики, – в другом месте ехидничает этот же автор, – между прочим, достигнув уже двадцатипятилетнего возраста он (В.И. Ленин – С.С.) продолжает жить на средства матери³¹.

Данные опроса позволяют предположить, что в течение постсоветского десятилетия традиционно высоко нравственные устои удмуртской части населения оказались менее устойчивыми перед вызовами социально-экономических перемен, перед ухудшающимися условиями жизни, перед разрушительными последствиями социальных трансформаций. К такому неотрадному выводу приводят, в частности, данные о том, что среди удмуртов удельный вес лиц, считающих разбой как способ добывания денег, недопустимым при любых обстоятельствах, составил 68,3 %, и оказался на 10,5 % ниже, чем среди лиц других национальностей, и на 5,8 % ниже, чем среди русских. Примерно такое же распределение представлений удмуртов и не удмуртов выявлено и по отношению к другим способам девиантного зарабатывания денег. Удельный вес удмуртов, осуждающих воровство, как способ зарабатывания денег (55,0 %) на 22,8 % ниже, чем среди

других национальностей, брак по расчету (32,8 %) на 17,7 %, проституции (66,0 %) на 16,3 %, мошенничество (60,0 %) на 5,8 %, иждивенчество (10,8 %) на 4,5 %. Исключение составляет лишь спекуляция, в которой более всего преуспевали лица других национальностей (14,1 %) и доля удмуртов, не приемлющих ее в качестве способа зарабатывания денег, (9,6 %) оказалась на 4,5 % ниже, чем среди национальных меньшинств (см. табл. 19).

Зеркальным отражением недопустимых и, следовательно, осуждаемых способов добывания денег, являются оценки тех же самых способов как допустимых всегда, иногда или в чрезвычайных ситуациях. В этой перевернутой пирамиде особенно наглядно проявляются неприглядные стороны современной жизни, состояния нынешних устоев, противоречивое и непоследовательное воздействие социальных трансформаций на представления и умонастроения граждан республики.

Так, оценивая разбой (8,4 %) и проституцию (8,5 %) как возможные (иногда) и нормальные (постоянно) способы добывания денег удмурты, с одной стороны, манифестируют вербальную готовность к девиантности, а с другой – меньшую, по сравнению с «другими» национальностями, подверженность к криминалу, несколько более высокое по сравнению с национальными меньшинствами нравственное самосохранение. Сходным образом оценивают удмурты еще два других способа добывания денег. Почти каждый второй удмурт весной 2002 г. считал допустимым занятие спекуляцией (48,6 %) и иждивенчество (48,4 %) как способы добывания денег. Доля других национальностей, придерживающихся такой же точки зрения, характеризовались несколько более высокими показателями – соответственно 53,5 % и 52,5 % (см. табл. 19).

Таблица № 19
Отношения к способам добывания денег
(в % по итогам опроса)

Способы добывания денег	Недопустимые при любых обстоятельствах				Допустимые (норма)				Допустимые (норма) Возможные (иногда)			
	национальности				национальности				национальности			
	все	в том числе:			все	в том числе:			все	в том числе:		
		удмурты	русские	другие		удмурты	русские	другие		удмурты	русские	другие
1. Разбой	72.6	68.3	74.1	78.8	2.4	2.9	1.8	4.0	7.0	8.4	5.3	11.1
2. Проституция	66.0	62.5	66.0	78.8	3.5	4.1	3.0	4.0	8.5	8.5	8.5	9.1
3. Обман	60.8	53.8	65.3	59.6	2.7	2.9	1.9	6.1	11.7	15.7	8.8	14.2
4. Воровство	55.0	45.9	58.6	66.7	5.0	4.7	4.8	8.1	19.7	24.2	16.4	23.3
5. Брак по расчету	38.5	32.8	39.9	50.5	12.7	14.0	11.8	13.1	28.4	30.6	28.0	23.2
6. Спекуляция	18.1	18.3	18.7	14.1	26.8	27.0	25.7	32.3	48.6	45.3	49.7	53.5
7. Иждивенчество	10.8	9.6	10.9	14.1	22.1	22.1	20.6	30.3	48.4	45.6	49.3	52.5

Несколько выше, хоть и незначительно, чем другие национальности, удмурты допускали возможным и «нормальным» зарабатывать деньги мошенничеством (15,7 % против 14,2 %), воровством (24,2 % против 23,3 %) и браками по расчету (30,6 % против 23,2 %) (см. табл. 19).

К негативным аспектам социальных трансформаций значительная часть удмуртов оказалась менее подготовленной и менее устойчивой, чем русские и представители других национальностей. Об этом

свидетельствует высокий удельный вес удмуртов, не сумевших самоопределиться и дать ответ о допустимости или недопустимости зарабатывания денег проституцией, браками по расчету, разбоем, мошенничеством, спекуляцией, воровством и иждивенчеством (см. табл. 20).

В этом вполне убеждают данные таблицы 20, из которых видно, что доля не высказавшихся удмуртов по всем без исключения способам добывания денег выше, чем доля русских и других национальностей.

Таблица № 20
Шок в представлениях о нетрадиционных способах зарабатывания денег
(в % по итогам опроса)

<i>Затруднились выявить свое отношение к перечисленным ниже способам зарабатывания денег</i>	<i>национальность</i>			
	<i>все</i>	<i>в том числе:</i>		
		<i>удмурты</i>	<i>русские</i>	<i>другие</i>
1. проституция	14.8	19.2	13.6	6.1
2. брак по расчету	14.6	18.0	14.1	5.1
3. разбой	11.9	13.7	12.0	5.1
4. мошенничество	11.6	14.2	10.6	8.1
5. спекуляция	11.3	14.2	10.4	6.1
6. воровство	10.9	14.5	10.1	3.0
7. иждивенчество	10.8	13.7	10.4	3.0

Девиантное поведение. Тяжкое бремя Удмуртии

Определив иерархию девиантных мотивов девиантного поведения, (нетрадиционные способы добывания денег) рассмотрим, как они соотносятся с девиантными формами поведения в разнообразных житейских ситуациях. Изучение факторов, форм и масштабов житейских ситуаций вряд ли имело бы какой-либо рациональный и операциональный смысл, если перед обществом не стояла задача по предотвращению и преодолению разгула девиантного поведения различных групп населения, в т.ч. молодежи, являющегося питательной средой криминала, беспокойства и нестабильности. В условиях непривычной для большинства постсоветского населения имущественной дифференци-

ции и социальной поляризации населения и связанной с ними динамики преступности, возрастает актуальность профилактики социального недовольства и девиантного поведения особенно среди школьной молодежи.

Стоит ли игра свеч, когда мы ставим задачи изучения взаимосвязи между уровнем толерантности и реальным поведением? С этой целью в программу исследовательского проекта были заложены, по крайней мере, три специальные сферы жизнедеятельности: – экономическая, культурная и политико-правовая и по 6 житейских ситуаций в каждой из них. В ходе опроса взрослого населения Удмуртии оказалось, что наиболее неприемлемыми житейскими

ситуациями в сфере культуры оказались алкоголизм и наркомания (74,9 %), занявшие первое место, сквернословие (33,0 %), завистливость (29,2 %) и этническая интолерантность (25,1 %), занявшие соответственно второе, третье и четвертое места (см. табл. 21,22).

На порядок или даже на несколько порядков ниже по сравнению с лидерами житейских ситуаций, вызывающих негативную оценку, оказались аутсайдеры – манкуртизация (12,7 %) и конфессиональная интолерантность (8,5 %) (см. табл. 21, 22).

В политико-правовой сфере наиболее недостойными, занявшими первые три места в ранговой иерархии житейских ситуаций, оказались: нарушение законов (47,3 %), предательство интересов России (43,8 %) и применение насилия при решении спорных вопросов (39,9 %). Аутсайдерами, т.е. не вызывающими у населения сильного неприятия: уклонение от исполнения гражданского долга (17,7 %), воинствующий атеизм (12,5 %) и уклонение от оплаты на-

лога (10,9 %). Побочным продуктом анализируемой иерархии житейских ситуаций можно считать едва ли не полное отсутствие у граждан, родом из Советского Союза, чувства налогоплательщика. Если всего лишь каждый десятый гражданин, как показал опрос, считает недостойным уклонение от оплаты налогов, значит почти все остальные 9 из 10 (кроме не ответивших на данный вопрос анкеты) не считают преступлением уклонение от налогов (см. табл. 21, 23).

В сфере экономики больше всего осуждаются и являются неприемлемыми такие формы девиантного поведения как коррупция (45,5 %), воровство (45,4 %) и обман партнеров (42,6 %). Каждый четвертый житель Удмуртии считает недостойными взяточничество (25,8 %) и мошенничество (25,1 %). Почти никто из опрошенных, за исключением 2,0 % не считает безбилетный проезд в общественном транспорте недостойным поведением (см. табл. 21, 24).

Таблица № 21
Иерархия форм девиантного поведения в разных сферах жизнедеятельности
(в рангах по итогам опроса)

<i>Сфера культуры</i>		<i>Политико-правовая сфера</i>		<i>Сфера экономики</i>	
<i>Ранг</i>	<i>житейские ситуации</i>	<i>Ранг</i>	<i>житейские ситуации</i>	<i>Ранг</i>	<i>житейские ситуации</i>
1.	алкоголизм, наркомания	1.	нарушение законов	1.	коррупция
2.	сквернословие	2.	предательство интересов России	2.	воровство
3.	завистливость	3.	применение насилия при решении спорных вопросов	3.	обман покупателей, клиентов, партнеров
4.	этническая интолерантность	4.	уклонение от исполнения гражданского долга	4.	взяточничество
5.	манкуртизм	5.	воинствующий атеизм	5.	мошенничество
6.	конфессиональная интолерантность	6.	уклонение от уплаты налогов	6.	проезд в транспорте без билета

Этнический аспект в иерархии девиантных форм поведения

В многочисленных социологических исследованиях девиантного поведения реже всего рассматривается этнический аспект. Это обусловлено прежде всего болезненным отношением руководителей республик к сфере межнациональных отношений и этнополитическим ситуациям. В тех республиках, где выявляются интерес к этой стороне жизни, авторы исследований немедленно причисляются в ряды оппонентов местного руководства. Кроме того, по истечении более десятилетия после советских времен, до сих пор среди исследователей имеет место некая аллергия к выявлению этнических аспектов девиантного поведения, угроза боязни быть обвиненными, если не в расизме, то, по крайней мере, в национализме.

По всей видимости имеет место и третья причина: криминал и девиантное поведение не имеют этнического или религиозного лица. В известной мере эта гипотеза подтверждается данными нашего исследования. В самом деле, как показали результаты опроса, иерархия недостойных житейских ситуаций за небольшим исключением является схожей у всего населения Удмуртии независимо от национальной принадлежности. При этом в сфере культуры эта схожесть проявляется гораздо сильнее, чем в двух других сферах. Как удмурты, так и русские, а так же все остальные национальности, больше всего осуждают российский бич народного большинства – алкоголизм и наркоманию. Удельный вес лиц, считающих их недостойными (74,9 %), превышает сквернословие (33,0 %), занимающее второе ранговое место, в 2,5 раза, в том числе среди удмуртов – в 2,4 раза, русских – в 2,1 раз, других национальностей – в 2.8 раза (см. табл. 22).

В других сферах – экономической и политико-правовой не наблюдается сильного разрыва между формами девиантного поведения, занявшими первое и второе места в иерархии недостойных житейских ситуаций. Так, например, в политико-правовой сфере разница между нарушением законов (47,3 %) и предательством интересов России (43,8 %) составляет незначительную величину – 3,5 %, а в экономической сфере между коррупцией (45,5 %) и воровством (45,4 %) – и того меньше (см. табл. 23, 24).

Тем не менее, несмотря на близость общей иерархии тенденций, все же между представителями отдельных национальностей наблюдаются как бы видовые различия.

Алкоголизм и наркоманию считают наиболее недостойными 83,8 % других национальностей и несколько реже (72,1 %) – русские. Разницу в 11,7 % по-видимому, нельзя не принимать в расчет. Отсюда вытекает вывод о более высокой степени незащитности русских и удмуртов от этого порока, по сравнению с остальными (другими) национальностями Удмуртии (см. табл. 22).

Чувство зависти к более удачливым людям среди других национальностей осуждают 35,4 %, среди русских – 27,9 %, этническая интолерантность, напротив, считается недостойной чаще среди русских (26,1 %) и представителей других национальностей. Конфессиональная интолерантность среди удмуртов (5,8 %) почти в два раза меньше осуждается, чем среди русских (10,2 %) (см. табл. 22).

В политико-правовой сфере незначительные внутривидовые различия имеются в оценке почти всех жизненных ситуаций. Назовем некоторые примеры. Нарушение законов считается одним из наиболее недостойных явлений среди 50,6 % удмуртов

и 45,1 % русских, предательство интересов Родины – среди 39,5 % удмуртов против 49,5 % других национальностей, примене-

ние насилия – среди 37,2 % удмуртов и 46,5 % других (см. табл. 23).

Таблица № 22
Иерархия форм девиантного поведения в сфере культуры
(в % по итогам опроса)

Какие из перечисленных явлений считают наиболее недостойными	Национальность			
	все	в том числе:		
		удмурты	русские	другие
1. Алкоголизм, наркомания	74.9	76.7	72.1	83.8
2. Сквернословие (употребление нецензурной выразений)	33.0	32.3	33.9	30.3
3. Завистливость (чувство зависти к более удачливым людям)	29.2	29.7	27.9	35.4
4. Этническая интолерантность (неприязнь к людям других национальностей)	25.1	25.0	26.1	20.2
5. Забывание традиций своего народа	12.7	12.8	12.7	12.1
6. конфессиональная интолерантность (неприязнь к людям другого вероисповедания)	8.5	5.8	10.2	8.1
7. Затруднялись ответить	3.7	3.2	4.2	2.0

Таблица № 23
Иерархия форм девиантного поведения в политико-правовой сфере
(в % по итогам опроса)

Какие из перечисленных явлений считают наиболее недостойными	Национальность			
	все	в том числе:		
		удмурты	русские	другие
1. нарушение законов	47.3	50.6	45.1	48.5
2. предательство интересов России	43.8	39.5	45.3	49.5
3. применение насилия при решении спорных вопросов	39.9	37.2	40.4	46.5
4. уклонение от исполнения гражданского долга	17.7	18.0	17.3	19.2
5. воинствующий атеизм	12.5	12.2	13.1	10.1
6. уклонение от оплаты налогов	10.9	12.8	10.2	8.1
7. затруднялись ответить	7.7	8.7	7.8	4.0

Выявленная опросом картина представлений о наиболее недостойных явлениях в политико-правовой сфере дает основание для вывода о наличии черт сходства между удмуртами и русскими в несколько большей степени, чем между удмуртами и другими национальностями.

В экономической сфере внутривидовые различия, т.е. разница в негативной оценке одних и тех же девиантных форм поведения приблизительно в тех же пределах,

что и в политико-правовой сфере. Национальные меньшинства осуждают мошенничество и воровство чаще, чем удмурты, в свою очередь коррупцию и взяточничество удмурты не приемлют сильнее, чем другие в первом, и русские во втором случае, обман деловых партнеров русские считают наиболее недостойным явлением чаще, чем другие национальности (см. табл. 24).

Таблица № 24
Иерархия форм девиантного поведения в сфере экономики
(в % по итогам опроса)

Какие из перечисленных явлений считают наиболее недостойными	Национальность			
	все	в том числе		
		удмурты	русские	другие
1. коррупция (использование служебного положения для обогащения)	45.5	47.7	45.3	39.4
2. воровство	45.4	44.5	45.1	50.0
3. обман покупателей, клиентов, партнеров	42.6	39.2	45.7	36.4
4. взяточничество	25.8	29.7	23.5	26.3
5. мошенничество	25.1	23.8	24.2	35.4
6. проезд в транспорте без билета	2.0	2.3	1.9	1.0
7. затруднялись ответить	4.4	4.4	4.6	3.0

Анализ представлений о девиантных мотивах девиантного поведения, а также о наиболее недостойных явлениях, т.е. о наиболее осуждаемых формах собственно девиантного поведения, дает основание для вывода об опасной тенденции широкого распространения такого радикального либерализма, которое граничит с безграничной вседозволенностью и анархией. Ссылаясь на благоприобретенную свободу, как на важнейшую и, не побоимся подчеркнуть, едва ли не единственную «полезную вещь» от социальных трансформаций, значительная часть населения оправдывает самые крайние формы индивидуализма и волюнтаризма.

Трудовая занятость и социальная защищенность

Для того, чтобы у нас не сложилось неверного или искаженного образа сложившейся поляризации сторонников, нейтралов и противников реформирования России на примере Удмуртии, мы снова должны вернуться к данным весеннего 2002 г. опроса. Задача состоит в том, чтобы выявить глубину различий в подходах тех, кого мы назвали соответственно адаптантами, маргиналами и инфантилами в оценке свершившихся в Удмуртии изменений и определить, что каждый из них думал о новых тенденциях в трудовой занятости и ориентирах социальной защищенности. Та-

В этом проявляется не только моральное невежество особенно молодого поколения россиян, воспринимающих не критически и опыт «разбойной «приватизации» и необузданную вседозволенность СМИ, не только исконная склонность российских граждан к анархии, не только утрата чувства социального контроля³², но и неподдающаяся искоренению инфантильность, блокирующаяся, как путь к разносторонней мобилизации, так и к обретению непростых, но справедливых демократических норм поведения.

кой подход обусловлен пониманием того, что процесс труда находится, как отмечал Мануэль Кастельс, «в сердцевине социальной структуры»³³, которая в свою очередь, как показали исследования Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, Л.В. Остапенко, вполне может быть названа «сердцевиной этнополитических отношений»³⁴.

В формировании современной социальной структуры народов Удмуртии, как уже приходилось подчеркивать, чрезвычайно важную роль играют переливы занятого населения из государственного сектора экономики в другие сектора. Итоги весеннего

(2002 г.) опроса показали, что государственный сектор покидают чаще всего наиболее мобильные слои, в большинстве случаев именно те, кто находит, что Россия идет по правильному пути, по верному курсу экономических преобразований. Не удивительно, что после десятилетия реформ удельный вес адаптантов, работающих в государственном секторе составил 25,3 %, в то время как доля инфантилов достигал 37,2 % (см. табл. 25).

Те, кто более инициативен, адаптивен составляют в частном и акционерном сек-

торах несколько большие доли, чем те, кто плохо приспосабливается к новым условиям жизни (см. табл. 25). Адаптанты несколько чаще, чем инфантилы занимаются какой-либо деятельностью ради дополнительного заработка. Среди них более высок удельный вес тех, кто в отличие от инфантилов помимо основной работы постоянно (несколько раз в неделю) или несколько раз в месяц, или от случая к случаю занимаются какой-либо деятельностью ради дополнительного заработка (см. табл. 26).

Таблица № 25
Социальные ориентации в различных секторах экономики
(в % по итогам опроса)

<i>Форма собственности предприятия или организации, где работают (место основной работы)</i>	<i>Адаптанты</i>	<i>Маргиналы</i>	<i>Инфантилы</i>
1. Государственная	25.3	33.5	37.3
2. Частная	17.7	10.3	13.7
3. Акционерная	14.6	16.5	13.7
4. Муниципальная	12.1	11.2	8.1
5. Кооперативная	3.5	5.0	3.7
6. Совместное предприятие	2.0	0.4	0.6
7. Затруднились ответить	2.5	2.5	1.2

Таблица № 26
Вторичная трудовая деятельность (в % по итогам опроса)

<i>Занимаются ли какой-либо деятельностью, чтобы иметь дополнительный заработок</i>	<i>Адаптанты</i>	<i>Маргиналы</i>	<i>Инфантилы</i>
1. Нет, не занимаются	51.0	55.6	60.2
2. Да, от случая к случаю	12.1	13.0	6.8
3. Да, сезонно	20.7	23.6	23.0
4. Да, несколько раз в месяц	6.1	2.1	1.9
5. Затруднились ответить	9.1	3.7	6.2

Наряду с анализом степени трудовой занятости важное значение имеет характеристика тех требований, которые жители Удмуртии предъявляют работе. Согласно данным опроса все три группы – адаптанты, маргиналы и инфантилы имели в целом сходную структуру ценностей трудовой деятельности. Вполне естественно, что в условиях постоянно снижающегося в 1990-е гг. уровня материального благосостояния новое место на вершине иерархической пирамиды ценностей занимала

«большая зарплата». Тем самым подтвердилось предположение авторов коллективной монографии о культурных мирах молодых россиян, о том, что мнение о большой зарплате как приоритетной ценности трудовой деятельности, «могли бы разделить все современные россияне»³⁵. Второе, третье и четвертое место в представлениях каждой из трех групп заняли интересная работа, надежное место работы и свободный режим работы (см. табл. 27).

Однако за этой внешне сходной иерархией ценностей в ходе опроса были обнаружены существенные внутригрупповые различия. Ожидалось, в частности, что одна и та же ценность имеет различную весовую категорию. Так, например, в группе адаптантов две ценности – «большая зарплата» и «интересная работа» (43,4 %) разделили между собой 7,1 %, в то время как в группе инфантилов этот разрыв составляет 22,3 %, что в три раза шире. Непросто сделать вывод, что для адаптантов

интересная работа занимает более высокий рейтинг, чем для инфантилов (см. табл. 27).

Наряду с этими ценностями, для первых более существенными, чем для вторых являются комфортные условия труда (9,1 % против 3,7 %), хорошие возможности для карьеры (6,1 % против 3,7 %), в то время как вторые предпочтения отдают «надежному месту работы (32,9 %), свободному режиму (14,3 %), простой и легкой работе (5,6 %)» (см. табл. 27).

Таблица № 27
Решающий фактор при выборе места работы (в % по итогам опроса)

<i>Что является решающим при выборе места работы</i>	<i>Адаптанты</i>	<i>Маргиналы</i>	<i>Инфантилы</i>
1. Большая зарплата	50.5	50.8	56.5
2. Интересная работа	43.4	46.7	34.2
3. Надежное место работы	29.3	32.6	32.9
4. Свободный режим работы	10.6	10.1	14.3
5. Комфортные условия труда	9.1	5.4	3.7
6. Престижная организация	7.6	6.8	6.8
7. Возможность приносить пользу своему народу	6.1	5.6	6.2
8. Хорошие возможности для карьеры	6.1	5.4	3.7
9. Простая и легкая работа	3.5	4.1	5.6
10. Возможность приносить пользу государству	3.5	2.9	3.1
11. Затруднились ответить	6.1	8.3	5.6

Повышение рейтинга интересной работы в группе адаптантов по сравнению с группой инфантилов является важным признаком формирования новых моделей занятости. Излюбленной и вместе с тем одной из наиболее востребованных тем социологических исследований является анализ исторической трансформации структуры занятости, в том числе профессиональной занятости в различных отраслях народного хозяйства. В социальной структуре народов постсоветской России, в том числе и в Удмуртии, происходят очень серьезные сдвиги за счет переливания занятого населения из промышленности и сельского хозяйства в сферу услуг, менеджмента, финансово-кредитную сферу, шоу-бизнес и некоторые другие науко- и информаци-

онноёмкие отрасли. Но перед тем, как свершиться каждому переходу из одной сферы в другую, необходимо, чтобы решение созрело в голове человека. Естественно, возникает вопрос, что необходимо для того, чтобы такое решение возникло? Частично ответы на этот вопрос нами были получены в ходе опроса населения Удмуртии о тех мерах, которые сегодня востребованы для улучшения социального самочувствия граждан. Мнения групп людей позитивно и негативно оценивающих направление дел в России распределились следующим образом. Для первой категории населения (адаптантов) наиболее важными мерами в сфере этногосударственных отношений, там, где необходимы политико-правовые решения, являются, во-

первых, укрепление вертикали власти (34,3 %), во-вторых, повышение уровня законопослушания граждан (29,3 %), в-третьих, укрепление основ демократии путем расширения взаимодействия государства с общественными и национально-культурными объединениями (21,7 %). Для второй категории населения более привлекательны меры по введению ограничений на доходы

богатых (41,6 %), а порой и организация акций протеста (5,6 %) (см. табл. 29). Иными словами, в общей структуре политико-правовых мер, улучшение социального самочувствия граждан, предусматриваемых каждой из двух новых социокультурных групп населения Удмуртии в одном случае звучат либеральные ноты, в другом случае – торчат уши консерватизма.

Таблица № 29
Политико-правовые меры, необходимые для улучшения социального самочувствия граждан (в % по итогам опроса)

<i>Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан</i>	<i>Адаптанты</i>	<i>Маргиналы</i>	<i>Инфантилы</i>
1. Снижение уровня коррупции и преступности	72.7	79.5	80.1
2. Укрепление вертикали власти	34.3	27.9	24.8
3. Повышение законопослушания	29.3	15.5	9.9
4. Расширение взаимодействия государства с общественными и национально-культурными объединениями	21.7	18.8	11.8
5. Введение ограничения на доходы богатых	20.7	38.2	41.6
6. Расширение взаимодействия государства с религиозными объединениями	5.1	3.3	1.9
7. Организация акций протеста	2.0	1.4	5.6
8. Затруднились ответить	3.0	2.9	7.5

Возможность наделяния адаптантов некоторой склонностью к либеральным, а инфантилов к консервативным ценностям вытекает из распределения ответов на вопрос о мерах в социальной сфере. Удельный вес адаптантов, считающих важнейшей мерой повышение образовательного уровня населения составляет 58,6 %, что на 12,6 % больше, чем среди инфантилов. Наряду с образованием, хотя и с меньшим разрывом от второй группы адаптанты

осознают общественную потребность воспитывать толерантность людей друг к другу (31,3 % против 28,6 %). Для инфантилов же в отличие от адаптантов более важными представляются расширение социальных гарантий (28,6 % против 22,2 %), как это было в советские времена, укрепление солидарности народов России (19,3 % против 16,7 %), усиление религиозного воспитания (6,2 % против 5,1 %) (см. табл. 28).

Таблица № 28
Социокультурные меры, проводимые для улучшения социального самочувствия граждан (в % по итогам опроса)

<i>Какие меры нужны для улучшения социального самочувствия граждан</i>	<i>Адаптанты</i>	<i>Маргиналы</i>	<i>Инфантилы</i>
1. Повышать образовательный уровень населения	58.6	52.3	46.0
2. Воспитывать толерантность людей друг к другу	31.3	30.8	28.6
3. Повышать нравственность	30.3	35.7	28.6
4. Ограничивать влияние западной массовой культуры	25.8	30.8	24.8
5. Расширять социальные гарантии	22.2	20.5	28.6
6. Укреплять солидарность народов России	16.7	14.1	19.3
7. Усиливать религиозное воспитание	5.1	4.3	6.2
8. Затруднились ответить	2.5	2.9	5.0

Новые модели представлений у групп адаптантов формируются из либеральных источников и из возникающей симпатии и поддержки реформ, у инфантилов – подпитываются из практики образа жизни бывшего Советского Союза.

Обозревая наследство, доставшееся от Советского Союза и его лебединой песни, названной горбачевской перестройкой, недоброжелательно настроенные к России западные эксперты, особенно из некоторых карликовых европейских стран, видят в нынешней России лишь один из «обломков» на развалинах бывшей сверхдержавы. Доля этих критиков в целом ничтожно мала и их публикации тонут в более широком потоке литературы, создатели которой пытаются докопаться до истинных причин развала Союза и тех страданий, которые были причинены его обитателям.

К числу исследователей, искренне сочувствующих народам России можно смело отнести таких, например, авторитетных мыслителей, как Джерри Хафф и Мануэль Кастельс, один из которых скорее политолог и экономист, а второй – экономист, и еще более социолог. Оба они признают, что экономика России потерпела крушение в первом постсоветском десятилетии, будучи, во-первых, приговоренной к этому в течение одного-двух десятилетий накануне распада Союза, во-вторых, оказавшись жертвой спекулятивных маневров номенклатуры, ради своей личной выгоды, решительно сменившей власть на собственность, в-третьих, вследствие безответственных рекомендаций западных советников и политически неопытных российских экономистов, в-четвертых, из-за интриг на вершине советского истеблишмента, где царили не ответственность за судьбу государства, а исключительно личные амбиции.

Безусловно, неудачно развернутые сверху социально-экономические трансформации ввергли народы России в немислимые страдания. В первом томе «Феномена Удмуртии» уже приходилось подчеркивать удивительные совпадения линий и пика двух графиков – приватизации и криминализации не только в Удмуртии, но и в большинстве других республик Российской Федерации. Близорукая политика США, нацеленная, по словам Мануэля Кастельса, на то, «чтобы прикончить «русского медведя» в мировой политике, породило ответную националистическую реакцию угрожая снова развязать гонку вооружений и международную напряженность»³⁶. Не случайно, проведенные весной 2002 г. этносоциологические опросы, зарегистрировали высокую чувствительность народного большинства Удмуртии, оказавшего минимальное доверие американцам.

Приход к власти молодого, энергичного и решительно настроенного Президента Российской Федерации, похоже, положил конец растерянности демократов ельцинской команды, которые не смогли выйти из заколдованного круга слепой веры в «невидимые руки»³⁷ и лабораторно-кухонной стратегией, предназначенной для культурных «тусовок», не имеющей ничего общего с адекватным пониманием реальных условий жизни, в которых оказались бывшие советские граждане.

Опросы, проведенные в Удмуртии и в трех соседних республиках, позволили увидеть то, что не всегда видят экзальтированные политики, лишённые доброкачественной экспертизы. Происходящие на наших глазах процессы социальной поляризации населения Удмуртии, при всей их неожиданности, непривычности и даже

трагичности, все же вселяют больше оптимизма, чем пессимизма.

Приведенный в этой главе и в ряде предыдущих глав анализ показывает, что у социальной поляризации есть свой «божественный» смысл. Если вывести за скобки половину взрослого населения, которое уверено в том, что в чем-то дела России идут в правильном, в чем-то в неправильном направлении, и если к ним добавить тех, кто не нашел в себе ответа на этот вопрос, то среди всей оставшейся массы, удельный вес оптимистов, названных нами адаптантами, все же несколько больше, чем доля пессимистов, оказавшихся пока в инфантильном состоянии ответить на вызовы меняющейся жизни.

Анализ экономических, интеллектуальных, демократических представлений этой новой группы населения Удмуртии, вышедшей из состояния иррациональности и осознавшей, что улучшение материального благополучия и социального самочув-

ствия зависит сегодня больше от самого себя, чем от государства, сумевшей понять угрозы и риски лично для себя и для России во многом типологически сходны, обогатившиеся знанием мер, необходимых для выхода из кризиса, дает основание сделать фундаментальный вывод о том, что процессы трансформации, инициированные сверху, получили поддержку снизу. И только систематический анализ, основанный на достаточном по количеству и надежном по качеству социологическом материале, даст основание согласиться с теми американскими специалистами по посткоммунистическому периоду истории России, которые объявили о формировании нового научного направления «транзитологии». Стивен Коэн считает, что это новое научное направление более точно именовать «наукой о переходном периоде»³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Этносоциологические опросы, проведенные в Удмуртии разными коллективами ученых по разным проектам и программам преследовали в чем-то сходные, в чем-то отличающиеся цели. Более всего сопоставимы мониторинговые исследования, регулярно осуществляемые ВЦИОМ, но не всегда охватывающие этнический аспект, и исследования ЦИМО ИЭА РАН. Поскольку в настоящее время нет возможности строить сопоставимые статистические ряды и добиться абсолютного соответствия классификационных признаков, разработанные материалы, в том числе в ви-

де помещенных в данную работу таблиц, следует рассматривать как два отдельных, но все же рядоположенных тренда. Это позволило, не увлекаясь чересчур изощренными для нынешнего уровня обработки информационной базы данных, а используя главным образом, простейшие статистические процедуры (проценты и индексы), выявить основные направления в изменениях представлений о переменах в реальной жизни. Я предпочла дескриптивную статистику, которая вполне адекватно отражает видимые руки «драматических переходов» из плановой в рыночную эко-

- номику и сопутствующие, хотя и запаздывающие представления о переходном периоде. Цель этой процедуры состоит в том, чтобы добиться возможности сравнений данных, полученных по разным проектам, но позволяющим «вылавливать» фундаментальные показатели как общности, так и разнообразия в поляризующемся менталитете народного большинства Удмуртии.
2. Стратегия социальной политики: рынок труда, занятость и социальная защита. – Бишкек, 1998.; *Капелюшников Р.* Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации // Некоторые аспекты теории переходной экономики / Под ред. В. Мартынова и др. – М., МГИМО, 1999.; *Гимпельсон В.Е.* Рынок труда в России и ряде других стран с переходной экономикой // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М., 2002. – С. 463–485.; *Хагуров А.А.* Село при вхождении в рынок / Там же. – С. 303–315.
  3. Отчет об исполнении «Программы социально-экономического развития Удмуртской Республики на 2001 год»: Доклад Председателя Правительства Удмуртской Республики Юрия Питкевича на 24-й сессии Государственного Совета Удмуртской Республики 4.06.02 // Известия Удмуртской Республики. – 7 июня 2002.
  4. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. – Т.2. – М., 2001. – С. 6–7.
  5. Там же. – С. 42.
  6. Там же. – С. 54.
  7. *Hough, Jerry.* The Logic of Economic Reform in Russia. – Washington, 2001. – P. 24–27.
  8. *Кастельс, Мануэль.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 101.
  9. *Вебер, Макс.* Избранное: Образ общества. – М., 1994. – С. 601.
  10. Закон Удмуртской Республики «Об утверждении отчета об исполнении Республиканской программы социально-экономического развития Удмуртской Республики на 2001 г. // Приложение к распоряжению Президента Удмуртской Республики от 7 мая 2002 г.. – С. 10.
  11. Человек и его работа: Социологические исследования. – М., 1967; *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. – М., 1971.
  12. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. – Т.2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: Занятость, заработки, потребление. – М., 2001. – С. 136.
  13. Культурные миры молодых россиян: Три жизненных ситуации / Рук. авторск. коллектива С.В. Туманов. – М., МГУ, 2000. – С. 38.
  14. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. – М., 1998.
  15. Народы и конфессии Приволжского федерального округа: Справочник для государственных служащих. – М., 2001.
  16. Цит. по: *Пайнс, Ричард.* Струве: Правый либерал 1905–1944гг. / Пер. с англ. – Т.2. – М., 2001. – С. 148.
  17. Современный терроризм: Состояние и перспективы / Отв. ред. Е.И. Степанов. – М., 2000.
  18. Цит. по: *Тишков В.А.* Этнология и политика: Научная публицистика. – М., 2001. – С. 185.
  19. *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация. – М., 2002.
  20. *Тишков В.А.* Этнология и политика: Научная публицистика. – М., 2001. – С. 183.
  21. *Вазанов А.* Да! Азиаты мы...: К 2010 г. китайцы станут второй по численности национальной группой населения России после русских. // Независимая газета. – 2002. – 6 авг.
  22. *Сидорина Т.Ю., Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И.* Методика исследования социальной политики в регионах // Мир России. – 1998. – № 1/2.
  23. *Тихонова Н.Е.* Российские безработные: Штрихи к портрету // Мир России. – 1998. – № 1/2.
  24. *Голенкова З.Т., Изгитханян Е.Д.* Безработные: Их саморефлексии // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 316–327.
  25. *Гимпельсон В.Е.* Рынок труда в России и в ряде других стран с переходной экономикой // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 463–485.
  26. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России в девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. – Т.2. – М., 2001. – С. 4.
  27. Там же. – С. 4.
  28. *Губогло М.Н.* Мобильность и мобилизация. – М., 2002. – С. 26. – Схема 1.
  29. *Struve P.* My Contacts and Conflicts with Lenin – The Slavonic and East European Review. – XII. – April. – 1934. – P. 36.
  30. *Пайнс, Ричард.* Струве...
  31. Там же. – С.189, 199.
  32. Культурные миры молодых россиян: Три жизненные ситуации. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 145.
  33. *Кастельс, Мануэль.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М., 2000. – С. 199.
  34. *Арутюнян Ю.В., Дробизжева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. – М., 1998. – С. 104–132; *Губогло М.Н.* Развивающийся электорат России. – М., 1996.; *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. – М., 2001. – С. 161–202.
  35. Культурные миры молодых россиян: Три жизненных ситуации. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 69–70.
  36. *Кастельс, Мануэль.* Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. – М., 2000. – С. 490.
  37. См. критику этой концепции в: Тревоги мира: Социальные последствия глобализации мировых процессов / Доклад ЮНРИСД, подготовленный для Всемирной встречи на высшем уровне в интересах социального развития / Пер. с англ. / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 1995; «Видимые руки»: Ответственность за социальное развитие / Доклад Исследовательского института по проблемам социального развития при ООН / Пер. с англ. / Отв. ред. В.А. Тишков. – М., 2001.
  38. *Козн, Стивен.* Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. – М., 2001. – С. 36.